

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО И МОРСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

СНѢ ПОВѢДУШИ

БОЛШЕ ДА КТО
СІА ЛЮДИ ТЕМУ
ЕС НН СЕМ ПО
КТО ЖЕ ПОЖИТИ
И ПРАВИ СІА

ГОДЪ
ИЗДАНІА № 3.
XXVI.

1 ФЕВРАЛЯ.

1915 г.

Изд. Фармакоб. кн. б-н.

Часть официальная: — Приказы по вѣдомству о. Протопресвитера. — Отъ Духовнаго Правленія при о. Протопресвитерѣ. — Сообщенія Духовнаго Правленія. — **Часть неофициальная:** Духовное вырожденіе нѣмецкаго народа. Прот. А. Смирновъ. — Въ Галиціи, Свящ. В. Сухачевъ. — Набѣтъ кавалерійскій. Свящ. П. Масловъ. — Дѣятельность флотекаго духовенства и религіозно-нравственная жизнь на военныхъ корабляхъ въ царствованіе Петра I. Прот. А. Смирновъ. — Двадцать верстъ лѣсомъ. Свящ. П. Масловъ. — Изъ дневника военнаго священника. Свящ. Н. Селецкий. — Телефонистъ Жубинскій. — Корреспонденція (изъ Могилева). — Библиографія.

При этомъ №-рѣ рассылаются 1) „**Воскресные Листки**“ №№ 5—8, для обязательныхъ подписчиковъ по 25 экз. каждаго, а для прочихъ — по 1 экз. бесплатно. 2) Объявленіе о подпискѣ журнала „**Русскій Паломникъ**“ на 1915 годъ.

Частная подписка на „Вѣстникъ“ и „Воскресные Листки“ (съ розничною продажею послѣднихъ) принимается въ магазинъ религіозно-просвѣтительнаго общества (Петроградъ, Стремянная, 20. Тел. 94-89).

Изъ Редакціи можно выписывать „Вѣстникъ“ за 1904—1910 гг. по **3 руб.** и за 1911—1914 гг. — по **5 руб.** за годъ, и слѣдующія изданія о. Протопресвитера Г. I. Шавельскаго:

- 1) *Евангеліе и жизнь. „Постъ и Молитва“* — 25 к.,
- 2) *„Отъ Христова до Духова дня“* — 10 к.,
- 3) *„Служеніе священника на войнѣ“* съ иллюстр. — 25 к.,
- 4) *„За Вѣру, Царя и Отечество“* — 5 к.
- и 5) *Опытъ каталога книгъ военно-церковныхъ библиотекъ.*

Выпускъ I. Для чтенія г.г. офицеровъ — 25 к.

Въ книжномъ складѣ Общества Религіозно-Нравственнаго Просвѣщенія
(Петроградъ, Стремянная улица, № 20)

и въ книжномъ магазинѣ ТУЗОВА

(Петрогр., Гостин. дв., № 45)

продаются слѣдующія изданія Прот. А. Смирнова:

- 1) Мессіанскія ожиданія и вѣрованія іудеевъ около времени I. Христа; ц. **3 р.**
- 2) Курсъ исторіи религій; ц. **2 р. 50 к.**
- 3) Завѣты двѣнадцати п. триарховъ (введеніе и русекій переводъ съ греческаго); ц. **2 р.**
- 4) Достоевскій и Ницше; ц. **35 к.**
- 5) Будущность христіанства; ц. **35 к.**
- 6) Нагорная проповѣдь I. Христа, 1-й вып., ц. **60 к.**
- 7) Самоубійство и христіанскій взглядъ на жизнь; ц. **25 к.**

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

Цѣна годового изданія
выходящаго 1 и 15 числа каж-
даго мѣсяца, въ размѣрѣ не
менѣе 2 печатныхъ листовъ,
5 р. съ дост. и пересылкою.
За страницу объявленій—15 р.,
1/2 стр.—10 р. и 1/4 стр.—5 р.
(на обложкѣ—по соглашенію).
Адресъ редакціи журнала:
Петроградъ, Воскресенскій пр.,
д. № 13.
Адресъ о. редактора: *Сергіев-*
ская ул., д. № 25, кв. 8.
Телефонъ 201—40.

№ 3.

1 февраля, 1915 г.

XXVI г.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Приказъ по вѣдомству Протопресвитера Воен- наго и Морского духовенства.

(По полевой Канцеляріи Протопресвитера.)

№ 1. 7 января 1915 года. Состоящій за штатомъ, по упраздненіи, согласно приказа по в. в. 1913 г. № 223, штата причта Виленской Дворцовой церкви, псаломщикъ названной церкви Іосифъ Макаревичъ согласно прошенію, по болѣзни, увольняется отъ службы по военно-духовному вѣдомству въ отставку.

Ввѣренное мнѣ Управление рассмотреть вопросъ о назначеніи пенсіи изъ Государственнаго казначейства псаломщику Макаревичу.

Въ виду сведенія, согласно приказа Верховнаго Главнокомандующаго 1914 г. № 192, 2-й и 3-й Отдѣльныхъ Кавалерійскихъ бригадъ, на время военныхъ дѣйствій, въ 16-ю Кавалерійскую дивизию, благочинный 3-й Отдѣльной Кавалерійской бригады священникъ 17-го уланскаго Новомиргородскаго полка Тихонъ Поповъ утверждается въ должности благочиннаго 16-й Кавалерійской дивизіи.

Священникъ Херсонской епархіи Іоаннъ Лопухиловъ назначается на вакансію священника при Львовскомъ первомъ военномъ госпиталѣ.

На свободную вакансію священника 1-й Кавказской бригады Государственнаго ополченія назначается священникъ станицы Новоцербитовской, Ставропольской епархіи, Давидъ Чубовъ.

Командированный для исполненія пастырскихъ обязанностей въ 24-ю Артиллерійскую бригаду священникъ военной церкви въ г. Лугѣ Теодоръ Забѣлинъ, въ виду учрежденія, согласно приказа Верховнаго Главнокомандующаго № 60 мин. года, штатной должности священника при названной бригадѣ на время военныхъ дѣйствій, утверждается, съ 20-го сентября 1914 г., въ означенной должности.

Предназначеннаго приказомъ моимъ № 1045 мин. года въ 309 полевой запасный госпиталь священника Александра **Высочинскаго** считать при 313-мъ полевомъ запасномъ госпиталѣ.

Для исполненія пастырскихъ обязанностей въ 128-й пѣхотный Старооскольскій полкъ, вмѣсто пропавшаго безъ вѣсти священника Владимира **Кавскаго**, назначается священникъ 6-го своднаго Двинскаго запаснаго госпиталя Сергій **Лебедевъ**, вакансія котораго предоставляется священнику церкви С. Царьграда, Кишиневской епархіи, Діонисію **Гончарюку**.

По измѣнившимся обстоятельствамъ, въ 268-й пѣхотный Пошехонскій полкъ, вмѣсто священника Минской епархіи Владимира **Бируля**, назначается прикомандированный къ 103-му пѣхотному Петрозаводскому полку священникъ Михаилъ **Радѣвъ**.

По измѣнившимся обстоятельствамъ, назначенный въ 256-й пѣхотный Елисаветградскій полкъ священникъ Георгій **Тумановъ** оставляется въ въ кр. Ковна для исполненія пастырскихъ обязанностей въ крѣпостныхъ госпиталяхъ.

Въ 256-й пѣхотный Елисаветградскій полкъ, для исполненія пастырскихъ обязанностей, назначается прикомандированный къ названному полку, въ виду тяжелой, нервной, продолжительной болѣзни полкового священника Василия **Крупскаго**, іеромонахъ Самарской епархіи **Арева**.

Священнику Лебедеву надлежитъ выдать путевое довольствіе на проѣздъ къ мѣсту назначенія, а священникамъ Чубову и Гончарюку, кромѣ того, пособіе и прочіе виды денежнаго довольствія, установленные въ военное время (ст. 339, 353, 835 кн. XIX Св. Воен. Пост. 1869 г. изд. 1910 г.).

О чемъ объявляю къ немедленному исполненію кого касается.

Подписаль Протопресвитеръ *Г. Шавельскій*

Отъ Духовнаго правленія при Протопресвитерѣ.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 14 января 1915 года за № 202, опубликованнымъ въ № 3 Церковныхъ Вѣдомостей, разрѣшено состоящему подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ Романовскому Комитету производить во всѣхъ церквахъ Россійской Имперіи за богослуженіями на 3-й недѣль поста (съ 15 по 21 Февраля) кружечный сборъ въ пользу дѣтей воиновъ, павшихъ на полѣ брани, съ тѣмъ, чтобы деньги, получаемыя отъ этого сбора въ церквахъ военнаго и морскаго вѣдомствъ, были пересылаемы чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ въ Духовное Правленіе для передачи въ состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ Романовскій Комитетъ.

Сообщенія Духовнаго Правленія при Протопресвитерѣ.

I.

Протоіерей при Штабѣ Главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта Сергій **Троицкій** донесъ Его Высокопреподобію о. Протопресвитеру, что ему, о. Троицкому, прислали для раздачи нашимъ доблестнымъ воинамъ: 1) Андреевское Аеонское Подворье: 22.800 экз. духовныхъ журналовъ, книгъ и брошюръ, 100 экз. Евангелій разнаго формата, 125 молитвослововъ и 1000 металлическихъ крестиковъ; 2) Пантелеймоновское подворье: 8.400 брошюръ и книжекъ, 35.000 листовъ, 500 картинъ, 700 крестиковъ; 3) Одесское Епархіальное Братство 2.305 брошюръ и 23.500 листовъ; 4) Издательство Фесенка 5.200 брошюръ и 5.100 листовъ.

II.

Командиръ 7-го драгунскаго Кинбурнскаго полка въ письмѣ, отъ 25-го ноября мин. г. за № 631, сообщилъ Его Высокопреподобію о. Протопресвитеру, что благочинный 7-й Кавалерійской дивизіи, священникъ названнаго полка Александръ **Вишняковъ**, всегда ревностно относящійся къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, во время войны во всѣхъ боевыхъ столкновеніяхъ находился съ полкомъ на позиціяхъ первой линіи. Своимъ личнымъ присутвіемъ онъ несомнѣнно поддерживаетъ геройскій духъ воиновъ, чѣмъ значительно облегчаетъ великій трудъ работы полка для защиты Святой вѣры, Царя и нашей Родины.

При чемъ командиръ приводитъ нѣсколько случаевъ, когда особенно проявлялась дѣятельность священника Вишнякова.

1. Во время боевъ на р. Санѣ, когда полкъ находился въ резервѣ первой боевой линіи, онъ посѣщаль окопы пѣхоты и артиллерійскіе, подвергая жизнь свою опасности, гдѣ добрымъ словомъ и своимъ присутвіемъ воодушевляль защитниковъ окоповъ, нижнихъ чиновъ, оставшихся безъ офицеровъ. При чемъ подвигъ его имѣль въ послѣдствіи большое значеніе для дѣла.

2. Во время авангарднаго боя 25-го октября 1914 г. у д. Братковице, занятой австрійцами, по личному своему почину о. Александръ Вишняковъ отправился въ эту деревню съ эскадрономъ, которому было приказано выбить австрійцевъ. Своимъ присутвіемъ онъ воодушевляль нижнихъ чиновъ, которые, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, быстро обратили противника въ бѣгство, взяли много плѣнныхъ и продолжали преслѣдовать ранѣе отступившихъ.

Пройдя 4 версты съ этимъ же эскадрономъ участвовалъ въ бою, при атакѣ станціи, которая также была окружена нами и взята; часть защитниковъ была перебита, часть сдалась.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Духовное вырожденіе нѣмецкаго народа ¹⁾.

Рабская мораль, говоритъ Ницше, была окончательно упрочена и закрѣплена христіанствомъ, которое сослужило этимъ очень плохую службу человѣчеству. Измысливъ различныя фикціи, въ родѣ свободы воли, душевной природы, какъ особаго начала въ человѣкѣ, грѣховности его предъ Богомъ, оно воспитало въ немъ вражду противъ жизни и земнаго міра и стремленіе къ міру потустороннему. Но главное зло христіанства заключается въ его проповѣди о страданіи и жалостливой любви: ничто не ведетъ такимъ вѣрнымъ путемъ человѣчество къ вырожденію, къ пониженію человѣческаго типа, какъ состраданіе къ выживающимъ типамъ, какъ поддержка слабыхъ, беспомощныхъ и неприспособленныхъ къ жизни, предвзначенныхъ самою природою къ естественному уничтоженію. Не въ этомъ должны заключаться наши обязанности по отношенію къ подобнымъ хилымъ субъектамъ: нужно освобождать жизнь отъ всего слабаго, уродливаго, болѣзненнаго и безобразнаго; поэтому падающему помощи упасть, больному и слабому сократи путь къ могилѣ, ничтожнаго и мало пригоднаго для жизни удали съ своего пути.

Не господская, а рабская мораль выработала тотъ типъ нищаго духомъ и тѣломъ современнаго человѣка, который вызываетъ въ Ницше чувство только глубокаго презрѣнія. Жестокость по отношенію къ этому вырождающемуся поколѣнію будетъ только помощью природѣ въ томъ естественномъ отборѣ жизнеспособныхъ индивидуумовъ, которымъ подготавливается образованіе новаго вида сильнаго и здороваго человѣческаго существа. Чѣмъ скорѣе разложится и уничтожится слабое поколѣніе, развращенное милосердіемъ и состраданіемъ, тѣмъ лучше: на тучной, удобренной этими разложившимися трупами почвѣ скорѣе вырастетъ роскошный цвѣтокъ человѣческой породы, высшій ея типъ—сверхчеловѣкъ. Къ созданію этого типа, какъ новаго вида въ ряду земныхъ существъ, и нужно стремиться. „Что такое для человѣка обезьяна?—спрашиваетъ у Ницше Заратустра,—посмѣшице, стыдъ и боль; тѣмъ же самымъ долженъ стать для сверхчеловѣка и нынѣшній человѣкъ: посмѣшищемъ, стыдомъ и болью“.

Моральные идеалы Ницше еще яснѣе обрисовываются въ его ученіи о сверхчеловѣкѣ. Что такое этотъ сверхчеловѣкъ? Это творецъ жизни, создатель новыхъ ея цѣнностей, стоящій по ту сторону добра и зла; для него не существуетъ никакихъ общеобязательныхъ нормъ и общепринятыхъ нынѣ цѣнностей, ни добра, ни зла, ни истины, ни заблужденія. Какъ творецъ жизни, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и

¹⁾ Продолженіе (см. Вѣстникъ с. г. № 1—2).

творецъ закона; ему все позволѣно, всякое преступленіе, всякая жестокость, однимъ словомъ, — все, въ чемъ онъ захочетъ проявить свою волю къ власти; если будетъ нужно, онъ не остановится предъ убійствомъ самымъ вѣроломнымъ, предъ хищничествомъ, присвоеніемъ чужого, самую дикой мстительностью; страданія другого не могутъ разжалобить сверхъ-человѣка: „видѣть страданія, говорить Ницше, пріятно, а причинять страданія еще пріятнѣе“. Но это же злодѣй и страшный преступникъ, а не сверхъ-человѣкъ, скажете вы. Да, отвѣчаетъ Ницше, это злодѣй, но и теперь каждый преступникъ не худшій, а лучшій изъ людей: въ немъ не уничтожена дикость первобытнаго „бѣлокураго звѣря“-человѣка, не подавленъ инстинктъ мощи и силы; поэтому онъ гораздо ближе къ сверхъ-человѣку, чѣмъ современный вялый, немощный, сердобольный человѣкъ. Лучшіе люди, по мнѣнію Ницше, это самые жестокіе и порочные люди. Онъ возводитъ, напримѣръ, въ идеаль такого, напр., безгранично порочнаго человѣка, какъ отвратительный злодѣй Чезаре Борджіа, оставившій по себѣ самую позорную память въ исторіи: онъ убилъ родного брата и нѣсколькихъ своихъ дѣтей, обезчестилъ родную сестру и былъ развратенъ сверхъ всякаго представленія. „Чезаре Борджіа, говорятъ Ницше, это классическій, страшный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и полный блеска идеаль; въ эпоху ренессанса онъ былъ отраднымъ возрожденіемъ идеала классической эпохи, когда все оцѣнивалось съ точки зрѣнія господской морали“.

Вотъ къ какимъ чудовищнымъ выводамъ привелъ нѣмецкую мысль до крайности развитой раціонализмъ. Но при чемъ же здѣсь, спросятъ, нѣмецкій народъ? Чѣмъ онъ виноватъ, что въ его средѣ появился такой безумный философъ? Ницше могъ быть совершенно случайнымъ и исключительнымъ явленіемъ въ исторіи нѣмецкой мысли; подобные выродки всегда могутъ обнаружиться и въ средѣ другихъ народовъ. Но всякій, что подробно ознакомился съ ходомъ развитія богословской и философской мысли въ Германіи, хотя бы только за одно послѣднее столѣтіе, никакъ не можетъ согласиться съ подобною мыслию объ изолированномъ положеніи Ницше въ ряду другихъ нѣмецкихъ мыслителей. Вся предшествующая исторія раціонализма метолично и послѣдовательно вела къ разрушенію системы христіанской морали. У Ницше были и предшественники того же направленія; таковъ, напримѣръ, Штирнеръ, своимъ крайнимъ индивидуализмомъ очень близко напоминающій ницшеанскія идеи о переоцѣнкѣ всѣхъ моральныхъ цѣнностей.

Но если это не убѣдительно, то пусть каждый по совѣсти отвѣтитъ на вопросъ: развѣ императоръ Вильгельмъ съ своей безгранично развитой „волей къ власти“, съ своими мечтами о міровомъ владычествѣ, съ своими безчеловѣчными моральными принципами, совершенно тождественными съ принципами „господской морали“, развѣ онъ по своему духу и настроенію не напоминаетъ Ницше? Далѣе: когда мы читаемъ страшныя сообщенія о нѣмецкихъ звѣрствахъ, когда

мы, если бы даже и не хотѣли, но не можемъ не вѣрить, что нѣмцы „отрѣзываютъ пальцы и языки, вѣшаютъ жителей мирныхъ селеній на вѣтвяхъ деревьевъ вдоль дорогъ, вѣшаютъ и калѣчатъ дѣтей и женщинъ, самымъ недостойнымъ образомъ оскверняютъ святые престолы и священные сосуды, творятъ грязныя насилия надъ женщинами, рѣжутъ даже маленькихъ дѣтей, разстрѣливаютъ плѣнныхъ и мирныхъ жителей въ присутствіи ихъ женъ и матерей, живыми сжигаютъ людей на кострахъ“, когда мы узнаемъ все это, то развѣ мы не вправѣ думать, что въ Германіи Ницше не одинъ, а ихъ тысячи, а можетъ быть и миліоны, что безумный Ницше облекъ въ слово только то, что таилось и таится въ душѣ громадной массы его соотечественниковъ. И замѣчательно, что германцы не отрекаются, не открещиваются отъ Ницше, а признаютъ его своимъ мыслителемъ, роднымъ имъ по духу. Вотъ что говорилъ проф. филологіи Брейзингъ при гробѣ Ницше: „Не смотря на несогласіе и раздоръ, возникшій между Ницше и его народомъ, онъ все же былъ нѣмцемъ въ душѣ“. Да, онъ былъ настоящимъ нѣмцемъ: вся его дикая философія есть естественный продуктъ предшествующихъ идей, выросшихъ на почвѣ бездушнаго и мертвящаго нѣмецкаго раціонализма. Ницшеанскія мысли еще до появленія личности Фридр. Ницше какъ бы носились въ духовной атмосферѣ нѣмецкаго народа.

Считать философію Ницше только случайнымъ явленіемъ въ исторіи духовнаго развитія нѣмецкаго народа тѣмъ болѣе невозможно, что люди глубокой духовной прозорливости предчувствовали нарожденіе ницшеанскихъ идей на почвѣ раціонализма уже въ то время, когда Ницше еще не выступилъ съ своей дикой философіей. Выведенные Достоевскимъ типы крайнихъ раціоналистовъ, именно—Раскольниковъ и Иванъ Карамазовъ,—это типы чисто ницшеанскіе. Въ ихъ воззрѣніяхъ мы встрѣтимъ и мечты о сверхъ-человѣкѣ („человѣко-богъ“), и дѣленіе морали на господскую и рабскую, и признаніе за властными людьми права на преступленіе. Вотъ какіе взгляды они развивали: „Люди по закону природы раздѣляются на два разряда: на низшій, т. е. такъ сказать—на матеріаль, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, т. е. имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ своей средѣ *новое слово*. Первый разрядъ, т. е. матеріаль,—люди по натурѣ своей консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными: они и обязаны быть послушными, потому что это ихъ назначеніе. Второй разрядъ—это преступники закона, разрушители или склонные къ тому, смотря по способностямъ. Если ему надо для своей идеи перешагнуть хотя бы и черезъ трупъ, черезъ кровь, то онъ внутри себя, по совѣсти, можетъ дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь. Замѣчательно, что большая часть благодѣтелей и установителей челоѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Первый разрядъ людей, именно—людей обыкновенныхъ, всегда господинъ настоящаго, второй—господинъ будущаго; первые сохраняютъ міръ и приумножаютъ

его численно, вторые двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли. Огромная масса людей, матеріаль, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, чрезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого-нибудь перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтъ, ну, хоть изъ тысячи одного, хоть сколько-нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкою самостоятельностью рождаются, можетъ быть, изъ десяти тысячъ одинъ; еще съ болѣе широкою—изъ ста тысячъ одинъ; гениальные люди изъ миллионѣвъ, а великіе гени, завершители человѣчества, можетъ быть, по истеченіи многихъ тысячъ миллионѣвъ людей на землѣ. Законъ у людей всегда былъ одинъ: кто крѣпокъ и силенъ духомъ, тотъ надъ ними и властелинъ. Кто много поумѣетъ, тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣ. Власть дается только тому, кто посмѣетъ склониться и взять ее. Тутъ одно только, одно: стоитъ только посмѣть!... Надо всего только разрушить въ человѣчествѣ идею о Богѣ,— вотъ съ чего надо приняться за дѣло! Разъ человѣчество поголовно отречется отъ Бога, то само собою падетъ прежнее міровоззрѣніе и главное—вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости и явится человѣко-богъ. Новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и ужъ, конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ онъ перескочитъ всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба-человѣка, если это понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ, тамъ ужъ мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто; все позволено и шабашъ!”

Здѣсь намѣчены всѣ основные пункты философіи Ницше. Можно ли послѣ этого говорить, что философія Ницше явленіе случайное, что она не стоитъ въ связи съ ходомъ предшествующаго развитія нѣмецкаго народа. Правда, Достоевскій вывелъ ницшеанскіе типы не изъ среды нѣмцевъ, но онъ совсѣмъ и не думалъ въ данномъ случаѣ о какомъ-нибудь національномъ типѣ: онъ хотѣлъ только изобразить тотъ путь, которымъ человѣкъ, какой бы онъ народности ни принадлежалъ, послѣдовательно и неизбѣжно приходитъ отъ рационалистическаго рѣшенія всѣхъ высшихъ вопросовъ къ устраненію религіозной вѣры и испроверженію христіанской нравственности. Путь этотъ до конца пройденъ германскимъ народомъ или, по крайней мѣрѣ, значительной его частью. И вотъ онъ теперь явился предъ нами во всемъ безобразіи своей самонадѣянности, своего самообожанія и гордости, своей дикой, невыразимой жестокости.

Конечно, предвѣдѣніе Достоевскаго можетъ оказаться пророческимъ и по отношенію къ намъ, русскимъ. И намъ можетъ угрожать то же духовное одичаніе, то же отреченіе отъ высокихъ нравственныхъ принциповъ христіанства, если мы всецѣло поддадимся вліянію рационализма

и положимъ его въ основу всей религіозной и нравственной жизни. Къ сожалѣнію, рационалистическое теченіе захватило-бы и наше общество, особенно ту часть его, которая слишкомъ довѣрчиво относилась къ опасной мудрости нѣмецкихъ учителей. Отъ этой-то страшной опасности и предостерегалъ русское общество гениальный писатель Достоевскій. Но теперь эта опасность намъ не страшна: послѣ того, что пережито русскимъ народомъ въ нынѣшнюю страшную войну, послѣ всѣхъ тяжелыхъ нашихъ страданій, виновникомъ которыхъ является главнымъ образомъ германскій народъ, обаяніе призрачной нѣмецкой мудрости должно исчезнуть само собою. Придетъ время, горечь и страданія нынѣшняго времени забудутся, и тогда мы, можетъ быть, будемъ благословлять нынѣшнюю войну, благословлять за то, что она раскрыла намъ глаза на нѣмецкій народъ и на ея философскую и богословскую литературу, всю пропитанную ядовитымъ духомъ рационализма.

Протоіерей А. Смирновъ.

Въ Галиціи.

Чѣмъ дальше идешь въ глубь Галиціи, тѣмъ бѣднѣе и бѣднѣе народоселеніе. Все чаще и чаще убогія „халушы“ (хаты), нерѣдко встрѣтишь и курныя избы. Войдите въ такую халушу: грязь, тяжелый запахъ, тутъ же помѣщаются куры, гуси и коровы. Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, въ такихъ нищете, голода и мучится галичанинъ. Обычная пища галичанина „барбулька“ (картофель, ближе къ Кракову — подъ названіемъ „зимняки“). Хлѣбъ увидите какъ рѣдкость. Попросите любого галичанина продать вамъ что-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ: обычный отвѣтъ: „ницъ нима“ (нѣтъ ничего). Къ этому прибавьте полную зависимость мѣстнаго крестьянина отъ помѣщика „пана“, отъ еврея, который, какъ паукъ, высасываетъ послѣдніе соки изъ народонаселенія. Немудрено, что мѣстное населеніе тысячами ежегодно стремится въ Америку.

Вѣзжая въ такое село, вы увидите полустгнившую, покрытую зеленью, церковку и нерѣдко, рядомъ тутъ же, каменный, высокой костель. Увѣренно и горделиво костель тянется къ верху своимъ готическими башнями. Достаточно взглянуть, сравнить два храма, чтобы воочию убѣдиться, какъ загнано, забито „православіе“ и пышно цвѣтеть католичество. И разрушающаяся, никѣмъ не поддерживаемая церковка какъ бы говоритъ своимъ видомъ: „Вотъ подо кдите немного, рухну я, уберутъ мои обломки и вмѣстѣ со мною выметутъ и остатки православія“. Полнымъ „хозяйномъ“ въ такомъ селѣ является ксендзь, — усердный слуга австрійскаго правительства. А ужъ извѣстнъ, какъ австрійскому правительству ненавистно православіе! Къ какимъ только мѣрамъ не прибѣгло австрійское правительство, чтобы унизить ненавистную имъ православную вѣру! Спросите въ любомъ селѣ: „гдѣ ихъ батюшка?“ „Въ Линцѣ“, слышите обычный отвѣтъ, а нерѣдко — повѣшенъ, разстрѣлянъ. А за что? спросите вы, и въ отвѣтъ услышите грустную повѣсть о злочленіяхъ батюшекъ. Не забыть никогда разсказа одной матушки: со слезами на глазахъ разсказала она, какъ австрійскіе жандармы схватили ея мужа, предъявивъ ему обвиненіе въ руссофильствѣ,

доказательствомъ чего явилось письмо, полученное священникомъ изъ Россіи отъ родственниковъ. Въ письмѣ упоминалось, что въ Галицію скоро придутъ русскія войска. Никакихъ оправданій отъ священника не было принято и онъ былъ повѣшенъ. А сколько такихъ батюшекъ и ихъ прихожанъ томится въ тюрьмахъ?

Но чѣмъ больше гоненій на православіе, тѣмъ ближе оно, роднѣе сердцу галичанина. Вѣра для галичанина—единственное утѣшеніе въ его горькой и тяжелой жизни. Вотъ почему въ каждомъ сельцѣ, даже весьма маленькомъ, вы непременно увидите храмъ, правда, убогенькій и ветхій, но дорогой сердцу галичанина.

На каждомъ перекресткѣ увидите часовню, у колодезь — крестъ или статую Христа.

Внутри храмъ, чѣмъ ближе къ границамъ Россіи, мало чѣмъ отличается отъ нашихъ храмовъ: тѣ же иконы, тотъ же иконостасъ, тѣ же и богослужебныя книги, только престолъ по внѣшнему своему виду рѣзко отличается отъ православнаго. Длинною онъ не меньше сажени, а то и больше, шириною болѣе аршина, къ престолу ведутъ нѣсколько ступенекъ. На престолѣ крестъ, Евангеліе, Антиминсъ и нѣсколько десятковъ въ малыхъ подсвѣчникахъ стеариновыхъ свѣчей. Второе замѣтное отличіе отъ нашихъ храмовъ — отсутствіе подсвѣчниковъ, такъ какъ богослужебной практикой свѣчи для богомольцевъ не введены.

Къ слову сказать, отсутствіе подсвѣчниковъ приводило нашихъ солдатиковъ, на первыхъ порахъ, въ немалое затрудненіе. Смотришь, купишь солдатикъ свѣчку и съ смущеннымъ видомъ долго ходитъ по храму, ищетъ мѣста, гдѣ бы поставить свою свѣчку. Но скоро примѣнились: стали прикрѣплять свѣчки къ рамамъ иконъ. Чтобы устранить это затрудненіе, вызванное отсутствіемъ подсвѣчниковъ, мы съ ктиторомъ придумали простое средство: соорудили подсвѣчники изъ стрѣлянныхъ гильзъ. Гильзы припаялись къ желѣзнымъ пластинкамъ. Такія пластинки легко прикрѣплялись къ иконамъ и служили вмѣсто подсвѣчниковъ.

Но, какъ я сказалъ выше, сходство храмовъ съ нашими православными замѣчается только вблизи русской границы, но чѣмъ дальше вглубь Галиціи, тѣмъ больше замѣчается уже вліяніе католичества. Перейдя рѣку Санъ, вы уже не увидите иконостасовъ, замѣтны изображенія католическихъ святыхъ. Не даромъ и говоритъ мѣстная поговорка: „знай, ляше, что по Санъ наше“. Вліяніе католичества здѣсь уже проявляется во всей силѣ. Да и храмовъ униатскихъ мало, ихъ увидите только изрѣдка. Не тѣ уже и батюшки. И костюмомъ и языкомъ они почти не отличаются отъ ксендзовъ. Простой народъ не такъ уже пріятливъ къ русскому священнику, смотреть на васъ изподлобья. То же холодное отношеніе со стороны простого народа замѣтно и по отношенію къ солдатикамъ.

Не то было по ту сторону рѣки Сана — ближе къ Россіи. Не успѣютъ бывало солдатикъ расположиться на квартирахъ, какъ уже у нихъ завязались добрыя отношенія съ мѣстнымъ населеніемъ. Важное значеніе въ данномъ случаѣ имѣло, конечно, единство вѣры и языка. Въ особенности, эта связь съ мѣстнымъ населеніемъ живо устанавливалась посредствомъ церкви.

Придешь въ село, гдѣ есть церковь и, если есть возможность, приступаешь къ совершенію богослуженія. Вотъ завучать благовѣсть. Давно уже деревня не слыхала звона колоколовъ, съ той поры, какъ австрійцы взяли въ тюрьму мѣстнаго батюшку. Истрадалась душа безъ молитвы въ храмѣ. Вотъ потянулись въ храмъ сѣрыя шинели, а за ними

сначала робко, а затѣмъ все смѣлѣе и смѣлѣе сначала дѣти, а затѣмъ женщины и „хл пы“, почему либо не взятые австрійцами въ войско.

Началось богослуженіе. Затѣли солдатики, постепенно къ нимъ присоединились дѣти, а затѣмъ и взрослое населеніе. Оказалось, и слова пѣснопѣній и молитвы уже знакомы галичанамъ. Чѣмъ дальше шло богослуженіе, тѣмъ мощнѣе и звучнѣе пѣлъ смѣшанный хоръ. Окончилась всенощная. Нашелся регентъ — одинъ изъ нашихъ офицеровъ, и тутъ же состоялась спѣвка. Въ спѣвкѣ участвовали и галичане. На утро, за литургіей, хоръ пѣлъ уже болѣе смѣло и увѣренно. Церковь наполнялась мѣстными богомольцами. И нужно было видѣть ихъ радость, сияющія лица. Возносились молитвы едиными устами, единымъ сердцемъ. Вотъ закончилась литургія. Пѣвчіе и народъ поетъ многолѣтніе Государю: „Благочестивѣйшему, Самодержавнѣйшему, Великому Государю Нашему Императору Николаю Александровичу“... „На чему Государю“... „нашей Россіи“... поютъ дѣтскіе и мужскіе голоса. Нельзя безъ слезъ слушать это благожеланіе здравія и долгоденствія Нашему царствующему Дому. Вотъ оно, думалось, мирное и безповоротное завоеваніе Галиціи.

Церковь и вѣра быстро сблизила, сроднила двѣ части одного и того же племени. Чувствовалась уже единая, могучая Русь. Наши воины уже не чуждые пришельцы для галичанъ. „Наше войско выиграе, а а стріяки тикають“ (наше войско побѣждаетъ, а австрійцы бѣгутъ), говоритъ мнѣ галичанинъ, радуясь успѣхамъ нашего войска. Въ русскомъ воинѣ галичанинъ видътъ своего избавителя отъ крѣпостной зависимости помѣщика и еврея. Скорбно и тяжело смотрѣтъ на галичанина, забитого нуждой, загнаннаго помѣщикомъ и „жидомъ“. Съ трудно скрываемымъ недоумѣемъ слушаетъ галичанинъ, что еврей въ Россіи не имѣетъ права земельного владѣнія. Закончится война, говоритъ галичанинъ, и снова евреи завладѣвають землями Галиціи и будутъ насъ угнетать.

Но вотъ прошли уже мѣсяцы, а евреевъ нѣтъ, нѣтъ и помѣщиковъ и, понемногу, галичане начинаютъ вѣрять въ свое лучшее будущее...

Конецъ гоненіямъ за вѣру!.. Вдали уже заря свободной жизни... Еще короткое время, и надъ Галиціей засіяетъ красное „русское“ солнышко. Скоро, скоро забудетъ многострадальная Галиція свои слезы.

Дай Богъ!

Священникъ *Василій Сукачевъ*.

29 декабря 1914 г.

„Набѣгъ кавалерійскій“.

(Изъ первыхъ шаговъ Русской арміи въ Восточной Пруссіи).

Вечеромъ 17-го августа 1914 года въ деревнѣ Гросдорфъ (Восточной Пруссіи) въ „летучемъ“ отрядѣ генерала Г. происходили какія-то приготовленія. Все было облечено глубокой тайной.

— Куда идемъ, Иванъ Тимофеичъ?—спросилъ вахмистра 5-го эскадрона взводный унтеръ-офицеръ.

— Ничего самъ не знаю! — отвѣчалъ вахмистръ. Приказано быть наготовѣ къ раннему утру, и больше ничего.

Даже многіе изъ младшихъ офицеровъ не имѣли представленія ни о мѣстѣ назначенія, ни о цѣли. Извѣстно было только то, что не брали съ собою не только обозъ 1-го разряда и кухни походныя, но даже лошадей съ офицерскими вьюками. Назначены были для похода только

пулеметы, патронныя двуколки и лазаретныя линейки. А для довольствія приказано было захватить хлѣба.

Быль предположенъ набѣгъ на большой германскій городъ Алленштейнъ (150 верстъ отъ границы).

Выступили подъ покровомъ ночной темноты, въ 3½ часа утра. Эскадронъ за эскадрономъ вытягивались на дорогу какъ-то величаво-торжественно и въ полномъ молчаніи. За полками слѣдовали па ронныя двуколки и лазаретныя линейки. Два врача вполголоса переговаривались между собою, пожимаясь отъ холода. Артиллерія шла на этотъ разъ среди отряда.

Не доходя 10-ти верстъ рѣшено было взорвать желѣзную дорогу, чтобы обезпечить отрядъ отъ глубокаго обхода.

— Взорвать желѣзно-дорожный путь! Штабсъ-ротмистръ Ковалевскій!—Худощавый, серьезный, спокойный офицеръ Петроградскаго полка подѣхалъ къ начальнику отряда и приложилъ руку къ козырьку.

Чрезъ нѣсколько минутъ маленькій отрядъ полковыхъ саперъ двинулся въ сторону. Прошло полчаса, три четверти... Начальникъ отряда немного волновался.

— Тр-рахъ!.. Тр-рахъ!.. Тр-рахъ!..—съ небольшими промежутками послышались три взрыва.

— Оглично!—сразу повеселѣлъ генералъ. Огмѣйте это, — обратилъ онъ къ командиру Петроградскаго полка:—удачный взрывъ; нужно сдѣлать представленіе *). Однако, поѣдемъ дальше!

Шли все время скорымъ маршемъ; и весь восьмидесятиверстный путь прошли въ 12-ть часовъ, остановившись въ 3-хъ верстахъ отъ города.

Появленіе отряда произвело громадный переполохъ какъ среди жителей, такъ и войскъ, расположенныхъ въ городѣ Алленштейнѣ: за 150. верстъ отъ границы—русскія войска, и при томъ сплошная кавалерія (какъ наскоро развѣдали); значить, видимо, авангардъ большого отряда!...

Болѣе состоятельные жители стали поспѣшно собираться къ выѣзду, а войска готовиться не къ отраженію непріятели, а къ отступленію. Нашлись, однако, и среди непріятельскихъ войскъ отважные начальники, которые совѣтовали произвести прежде основательную развѣдку. Развѣдка открыла истину: опредѣлили, что здѣсь, повидимому, одна только кавалерія.

Хотя общее смятеніе и принимало все большіе и большіе размѣры, тѣмъ не менѣе начальникъ довольно большого гарнизона г. Алленштейна выслалъ легкую артиллерію обстрѣлять подходящихъ кавалеристовъ. И это открыло половину правды: нашъ отрядъ не отвѣчалъ, потому что не хотѣлъ сразу открывать малочисленность и слабость своей артиллеріи.—Въ то же время непріятельская пѣхота стала дружно обстрѣливать подходящихъ ближе къ городу кавалеристовъ.

Тогда три эскадрона (1-й, 2-й и 6-й шедшаго въ авангардъ Петроградскаго уланскаго полка были разсыпаны въ цѣпь, а одинъ (5-й) былъ посланъ въ обходъ. Перестрѣлка усиливалась; подвинуты были другіе полки дивизіи; непріятельскій отрядъ также увеличился подходящими еще пѣхотными частями. Бой началъ разгораться по всей линіи. Выдвинули нашу артиллерію; непріятель отвѣтилъ на это обстрѣломъ изъ тяжелыхъ орудій.

*) Штабсъ-ротмистръ Ковалевскій награжденъ орденомъ Владиміра 4-й ст. съ мечами.

— Ваше В-діе!—подлетѣлъ къ эскадронному командиру красивый унтеръ-офицеръ Козловскій.—Дозвольте осмотрѣть, сколько у непріятельевъ орудій“.

— Убьютъ?!... Какъ-то неопредѣленно отвѣтилъ командиръ. А впрочемъ... Христосъ съ тобою!—перекрестилъ онъ Козловскаго уже издали.

Подъ градомъ пуль, подъ грохотъ орудій,—смѣльчакъ пробрался на 50 шаговъ къ стоявшимъ батареямъ и наскоро пересчиталъ число орудій. „Охъ, много!“—сказалъ про себя Козловскій, и быстро полетѣлъ назадъ. На обратномъ пути свалилась фуражка (ужь онъ хорошо не помнилъ, сама ли она слетѣла или пуль ей сбило). „Эхъ-ма!“ крикнулъ унтеръ. Быстро спрыгнувъ съ коня и, поднявъ валившуюся по дорогѣ нѣмецкую каску, надѣлъ на голову и повесилъ къ своимъ для доклада.

Стало уже немного темнѣть. Неожиданно появившійся всадникъ въ нѣмецкой каскѣ произвелъ нѣкоторый переполохъ и удивленіе: штабсъ-ротмистръ Модзалевскій выхватилъ шашку; его примѣру послѣдовали четверо вблизи стоявшихъ уланъ.

— Свой, свой!.. Козловскій *) 6-го эскадрона!—махалъ руками принятый за непріятеля.

Доложили начальнику дивизіи, что артиллеріи у непріятеля много; и наша никакъ съ ней равняться не можетъ.

Генераль задумался... Ну что-жь?—обратился онъ къ одному изъ командировъ полка. Мы свое дѣло сдѣлали: произвели переполохъ, задержали сильный гарнизонъ Алленштейна своимъ „авангардомъ“ (за смѣялся онъ); а пока они (показалъ онъ на непріятеля) соберутся съ духомъ, мы уже будемъ далеко. А отъ обхода обезпечены взрывомъ желѣзной дороги; вѣдь такъ?—весело закончилъ онъ.

— Слушаю-съ!—коротко отвѣтилъ командиръ полка.

Однако, отступать пришлось скорѣе, чѣмъ думали; развѣдчики донесли, что непріятель обходить насъ съ обоихъ фланговъ (съ одного—большой отрядъ велосипедистовъ, съ другого—кавалерія); одновременно съ этимъ непріятельская пѣхота въ большомъ количествѣ повела наступленіе. Положеніе становилось всеѣмъ опаснымъ. Обстрѣлъ начался со всѣхъ сторонъ: рокотали тяжелыя орудія, громыхала полевая артиллерія, трещали пулеметы, визжали пули...

Рѣшили немедленно отступать. Становилось уже темно. По прежней дорогѣ возвращаться было нельзя: обстрѣлъ былъ съ трехъ сторонъ; четвертую, болѣе свободную, опредѣлили почти наугадъ, по компасу. Лихіе развѣдчики метались во всѣ стороны. Генераль сохранялъ (на видъ, по крайней мѣрѣ) полное спокойствіе, что ободряло и офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

— Съ имъ не пропадешь, выкрутятся всегда,—шелотомъ говорилъ сосѣду веселый унтеръ-офицеръ Плюсинъ, уже представленный за развѣдку въ іюль къ Георгіевскому кресту.

— Вѣстимо, человекъ бывалый!—соглашался сосѣдъ, съ нѣкоторымъ, однако, безпокойствомъ оглядываясь по сторонамъ... Все единственно, пропадать такъ пропадать,—неожиданно прибавилъ онъ. На полъ брани за-то, а не на печкѣ... А даромъ не дадимся!—подбодрилъ онъ себя, крѣпко сжимая эфесъ шашки.

— Штабсъ-ротмистровъ Ковалевскаго и Шевцова къ генералу!—было передано приказаніе.

*) Унтеръ-офицеръ Козловскій награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4-й степени.

— Куда-нибудь посылать въ опасное мѣсто должно быть, потому-что уланы требуютъ,—замѣтилъ кто-то изъ офицеровъ Петроградскаго полка вполголоса.

Штабсъ-ротмистры Ковалевскій и Шевцовъ должны были „вести“ (опредѣлять и указывать путь) дивизию.

— Можетъ быть и вы, генераль, поѣдете съ ними; все-же примѣръ,—обратился къ командиру бригады начальникъ отряда.—А самъ я не могу,—нужно наблюдать за общимъ движеніемъ, и за распоряженіями постоянно прѣзжаютъ.

— Непремѣнно!—немедленно согласился генераль. И для примѣра, и по собственному желанію,—улыбнулся онъ.

Дорогу пришлось опредѣлять больше по компасу. Такъ, почти ощупью, шли до 10¹/₂ часовъ вечера. Было совсѣмъ уже темно. Однако обстрѣлъ не прекращался; становился только нѣсколько рѣже. Наконецъ, часовъ въ 11-ть немного затихло. Рѣшили дать хотя маленькій роздыхъ, остановившись на часъ въ маленькой деревушкѣ. Часовъ въ 12-ть тронулись дальше, лѣсами, избѣгая большихъ, торныхъ дорогъ.

Такъ шли еще 2 часа. Запрещено было курить; приказанія передавались шопотомъ, по колоннѣ. Черезъ нѣсколько времени передана шопотомъ команда: „Стой!“. Оказалось, что застряли (дорога была въ гору) двѣ батареи. Спѣшили двѣ сотни казаковъ, подтянули орудія. Поѣхали дальше. Опять выстрѣлы. Остановились на одинъ часъ въ лѣсу, соблюдая полную тишину.

Тронулись. Подошли къ деревнѣ. Впереди ѣхали бригадный генераль и проводники-офицеры Шевцовъ и Ковалевскій.

Вдругъ послышались впереди изъ деревни ружейные залпы. Ротмистру Постарнакову съ эскадрономъ приказано было обслѣдовать обстановку. Эскадронъ разсыпался въ разныхъ направленіяхъ...

— „Генерала убили!“ — взволнованнымъ шопотомъ докладывали подѣхавшему ротмистру. „И нашихъ обѣихъ офицеровъ“.

Эскадронный командиръ подѣхалъ и освѣтилъ фонарикомъ дорогу. Оказалось, что дорога была перегорожена колючей проволокой, и кромѣ того забаррикадирована: бороны, телѣги, большіе камни, бревна,—все это совершенно загородило путь.

Убитый Шевцовъ лежалъ склонившись на какую-то телѣгу, какъ будто спалъ; раненый въ руку Ковалевскій крѣпко сжималъ мѣсто раненія, стараясь остановить кровь. Генераль оказался невредимъ: лошадь его, испугавшись неожиданнаго залпа, остушилась въ канавѣ, упала и увлекла за собой и сѣдока.

— „Саша, Саша!“—наклонился Постарнаковъ къ товарищу-однополчанину. „Ты раненъ?..“ Но Саша ничего не отвѣчалъ, потому-что спалъ вѣчнымъ сномъ: пуля попала въ голову.

— „Фельдшера пошлите скорѣй!“ — распорядился Постарнаковъ. „Ты какъ, Борисъ?“—спросилъ онъ раненаго.

— „Да ничего... кажется въ руку только“,—улыбнулся Ковалевскій. „Счастливо отдѣлался“.

— „А Его Превосходительство?“—вспомнили они оба.

— „Мое превосходительство еще благополучиѣ отдѣлалось“,—отозвался самъ генераль. „Нежелательнымъ прыжкомъ въ канаву только“,—засмѣялся онъ.. „Однако уже 3¹/₂ часа“,—посмотрѣлъ онъ при свѣтѣ фонаря на часы. „Ровно сутки въ путешествіи этомъ“.

Распорядившись взять убитаго Шевцова, Постарнаковъ поскакалъ

по деревнѣ. Всѣ жители попрятались. Поѣхалъ съ докладомъ и за распоряженіями, что дальше дѣлать.

— „Что дѣлать?“—сказалъ начальникъ дивизіи. „Разобрать наскоро баррикаду, порвать проволоку, и... уходить, уходить и уходить, пока не поздно. Вѣдь за нами навѣрно второе больше непріятельскихъ войскъ гонится. Да и артиллерія.. Слышите?..“ Въ это время опять начался обстрѣлъ изъ тяжелыхъ орудій. Стало немного разсвѣтать. „Напрасно мы на часъ останавливались на отдыхъ“,—сказалъ про себя начальникъ отряда. „Тутъ каждая минута дорога... Да и орудія еще задержали. Трудное положеніе!..“ Видь у него, однако, былъ спокойныи,—теряться начальнику нельзя.

Отрядъ двинулся дальше. Но и пѣмцы не зѣвали: быстро охватывали оба фланга, а сзади торопилась пѣхота, провожая наши войска ружейными залпами; еще дальше грохотали тяжелыя орудія; посыпалась шрапнель.

— „Охъ!“—схватился за бокъ командиръ 1-го эскадрона (Споре *) и упалъ съ лошади. Сосѣдній офицеръ крикнулъ: „Линейку!“ Кричалъ и вахмистру 1-го эскадрона; но никому ничего не было слышно, среди трещавшихъ залповъ. Къ тому-же и изъ сосѣдней деревушки слышались ружейные залпы..

— „Взводу 2-го эскадрона выбить изъ деревни непріятеля!“—распорядился командиръ полка. Корнетъ Ибрагимовъ **) стремительно и лихо полетѣлъ въ указанномъ направленіи.

— „Легкую цѣпь!“—скомандовалъ начальникъ дивизіи. „Да угостите ихъ пулеметами!“—съ досадой крикнулъ онъ.

Два эскадрона разсыпались въ цѣпь; пулеметы, какъ преслѣдуемый собаками звѣрь, повернулись лицомъ къ непріятелю..

— „Корнетъ Подберезскій ранены!“—доложили командиру Петроградскаго полка *). Тотъ только махнулъ рукой: „Другого!“.

Раненый штабъ-ротмистръ Ковалевскій соскочилъ съ лошади и сталъ руководить пулеметами. Бывшіе въ цѣпи эскадроны поддерживали пулеметчиковъ. Разѣздъ корнета Ибрагимова быстро и успѣшно исполнилъ порученіе. Непріятельская пѣхота остановилась.

Въ ачь Васильевъ взялъ раненаго корнета въ линейку; туда-же помѣстили убитаго пулеметчика. Линейка поѣхала. Опять шрапнельный огонь.

— „Я не могу больше!“—сказалъ поблѣднѣвшій другой врачъ, призванный изъ запаса: и быстро выпрыгнулъ изъ линейки **).

— Куда, куда вы?“—закричалъ его товарищъ Васильевъ. „Хуже будетъ“.—Но тотъ уже бѣжалъ къ канавѣ и залегъ въ ней.

Удачное и умѣлое руководство пулеметами, и мѣткій ружейный огонь значительно ослабили натискъ, и дали возможность всему отряду отступить въ сравнительномъ порядкѣ.

Но „цѣпь“ оказалась въ затруднительномъ положеніи,—почти отръзанной отъ дивизіи.

Дивизионеръ (начальникъ 2-хъ или 3-хъ эскадроновъ) полковникъ Панкратьевъ немедленно послалъ коннаго вѣстового съ донесеніемъ на-

1) Считается пропавшимъ безъ вѣсти; есть слухи, что раненымъ взять въ плѣнъ.

**) Корнетъ Ибрагимовъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ; нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ взвода—Георгіевскими крестами.

*) Командиръ полка награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

**) Докторъ взять въ плѣнъ.

чальнику дивизіи. Но едва посланный выѣхалъ на открытое мѣсто, былъ убитъ; послали трубача, но подъ нимъ была убита лошадь. Рѣшился поѣхать самъ полковникъ съ вѣстовымъ. Но... и его постигла не лучшая участь: проѣзжая открытымъ мѣстомъ, онъ буквально былъ осыпанъ не-пріятельскими пулями, счастливо однако его миновавшимъ. Всѣ изъ цѣпи, затаивъ дыханіе, съ замираніемъ сердца, слѣдили за нимъ. Вотъ онъ уже съѣхалъ съ пригорка, осталась видна о на голова... Слѣдившіе облегченно вздохнули. Но... въ этотъ самый моментъ одна предательская пуля поразила полковника въ голову; и онъ сразу переселился въ лучшій міръ... Отъ неожиданности всѣ оцѣнѣли.. Вѣстовой склонился надъ полковникомъ...

„Цѣпь“ изъ 2-хъ эскадроновъ выручили опять таки пулеметы, подѣ обстрѣломъ которыхъ эскадроны благополучно присоединились къ полку...

Послѣ набѣга отрядъ пришелъ въ дер. Кролингеймъ. Не смотря на отсуствие и потери, начальникъ отряда имѣлъ довольный видъ: „Мы свое дѣло сдѣляли; посмотримъ, что будетъ дальше. Вотъ это я понимаю: настоящій кавалерійскій набѣгъ, увидите, чѣмъ это кончится“,— говорилъ онъ сопровождавшимъ его командирамъ полковъ.—Сзади везли убитыхъ соратниковъ...

На другой день полковой священникъ въ дер. Кролингеймъ совершалъ отпѣваніе. Не въ благолѣпномъ храмѣ, не на пышномъ катафалкѣ, не въ богатомъ гробѣ покоились вѣрные слуги отечества: на деревянныхъ подмосткахъ, въ тесовыхъ наскоро сколоченныхъ гробахъ лежали два офицера; съ ними скромно пріютился такой же гробъ пулеметчика.—Съ печально понижшими головами окружали гроба офицеры и нижніе чины... Но усердно, пламенно молились они за убитенныхъ на полѣ брани, благодаря въ то же время Господа Бога за то, что Онъ сохранилъ ихъ самихъ отъ смерти.

Священникъ истоиво совершалъ чинъ погребенія; но его блѣдное, совсѣмъ осунувшееся лицо выдавало его глубокую печаль: онъ хоронилъ офицера, съ которымъ жилъ въ полку 18-ть лѣтъ, да еще къ тому-же и ктитора полковой церкви, хорошаго и цѣннаго сотрудника въ церковныхъ дѣлахъ.

Пришелъ начальникъ дивизіи. Потрепанная накидка-дождевикъ, утомленное лицо, капающія неволью слезы... Это былъ—не начальникъ дивизіи, а старшій товарищъ; не генераль, а “человѣкъ”...

Не даромъ говорили о значеніи набѣга на Алленштейнъ... Появленіе русскаго отряда въ 150 ти верстахъ отъ границы произвело большой переполохъ не только въ г. Алленштейнѣ, среди жителей и войска, но и во всемъ окресномъ краѣ. Мало того: появленіе русскаго отряда заставило призадуматься и германскій Генеральный штабъ. Послѣдствіемъ этого былъ переводъ 4-хъ корпусовъ германской арміи съ западнаго фронта на восточный. Этого-то и ожидали. (Теперь дѣло прошлое, и говорить объ этомъ можно).—И потому-то придано было большое значеніе этому набѣгу.

Набѣгъ этотъ, конечно, не разрушалъ (это слишкомъ много!), но способствовалъ нарушенію выработаннаго германскимъ штабомъ общаго плана войны: разгромить Францію, и обрушиться всею тяжестью и силами своей арміи на Россію.—Это-то, какъ мы знаемъ, не удалось.

И участники набѣга, какъ оставшіеся въ живыхъ, такъ и умершіе, должны быть утѣшены тѣмъ, что они внесли хорошую долю военнаго труда въ общее дѣло.

Дѣятельность флотскаго духовенства и религіозно-нравственная жизнь на военныхъ корабляхъ въ царствованіе Петра I.

По первоначальному предположенію морскаго вѣдомства и Высочайшему повелѣнію отъ 8 апрѣля 1719 года, на каждое военное судно какъ бы оно ни было мало, долженъ былъ назначаться особый священникъ; въ расписаніи личнаго состава на судахъ, содержащемся въ Морскомъ Уставѣ, отдѣльный священникъ полагался даже и на такомъ суднѣ, экипажъ котораго исчислялся не сотнями, а только десятками. Но на практикѣ дѣло было поставлено такимъ образомъ, что отдѣльные священники назначались только на болѣе крупныя суда—корабли и фрегаты, а мелкія суда имѣли одного священника для нѣсколькихъ. Такъ, въ 1719 году „для всѣхъ прамовъ и бамбардирскихъ“ судовъ назначенъ былъ одинъ іеромонахъ Антоній „патріаршъ“; точно также въ 1721 году два гукора—„Өатерь-Фалкъ“ и „Ларсорсеръ“ обслуживались однимъ іеромонахомъ Антоніемъ новгородскимъ. На основаніи этого можно заключить, что у каждаго флотскаго священника паства была довольно значительная, такъ какъ экипажъ нѣкоторыхъ кораблей, какъ уже было указано, достигалъ до 800 человекъ.

Большинство іеромонаховъ, разъ получивъ назначеніе на корабль, оставалось на флотской службѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до назначенія новаго назначенія или до своей смерти; служба во флотѣ въ теченіе 5—7 лѣтъ была явленіемъ довольно обыкновеннымъ. Были даже такіе случаи, что духовное начальство, въ видѣ наказанія за провинности, нѣкоторыхъ іеромонаховъ назначало „въ безсмѣнную службу“ или „на вѣчное сбывательство“ во флотѣ; къ такому наказанію были присуждены Паисій Бартеневъ за самовольное принятіе монашества въ бытность ученикомъ математическихъ школъ и Исаія Волошинъ за укрывательство „неприличныхъ“ противу персоны Его Величества“ словъ, сказанныхъ нѣкоторыми казаками ¹⁾.

Такое продолжительное пребываніе іеромонаховъ во флотѣ имѣло, конечно, благотворное значеніе, такъ какъ сродняло ихъ съ флотской жизнью. Но, къ сожалѣнію, іеромонахи каждагодно назначались на другіе, а не на прежніе корабли. Сохранились списки флотскихъ іеромонаховъ за нѣсколько лѣтъ петровскаго времени; по нимъ можно видѣть, что назначеніе іеромонаха на одинъ и тотъ же корабль, хотя бы въ теченіе двухъ лѣтъ, было самымъ рѣдкимъ исключеніемъ. Такимъ образомъ для каждаго іеромонаха паства каждагодно мѣнялась. Іеромонахи постоянно перемѣщались не только съ одного корабля на другой, но и изъ одной эскадры въ другую. Особенно крупное передвиженіе произошло въ 1722 году когда всѣ 11 іеромонаховъ изъ котлинской эскадры были переведены

1) Опис. Арх. Св. Син. V, стр. 160 и 603.

въ ревельскую, а изъ ревельской—нѣкоторые были перемѣщены въ котлинскую, а другіе возвращены въ Невскую Лавру 1).

Пребываніе священнослужителей на кораблѣ ограничивалось большею частію только временемъ лѣтней навигаціи. Съ наступленіемъ осени большинство іеромонаховъ возвращалось въ Александро-Невскую Лавру, и только третья часть всего состава задерживалась при корабляхъ 2); оставшіеся на зиму во флотѣ іеромонахи исполняли духовныя нужды служащихъ на корабляхъ, иногда замѣняли въ городахъ приходскихъ священниковъ или совершали по приглашенію частныя требы, а иногда прикомандировывались къ морскимъ госпиталямъ 3). Мало-по-малу установилась такая практика, что въ теченіе лѣтняго времени, когда флотскіе іеромонахи должны были находиться на корабляхъ, религіозныя обязанности въ морскихъ госпиталяхъ исполнялись прикомандированными приходскими священниками, а осенью сюда возвращались оставшіеся при флотѣ іеромонахи.

Обязанности священника на кораблѣ заключались въ совершеніи ежедневныхъ молитвъ и праздничнаго богослуженія, произнесеніи поученій „словесныхъ или на письмѣ“, посѣщеніи, утѣшеніи и напутствованіи больныхъ. Морской Уставъ и Инструкція требовали отъ священника постоянного присутствія на кораблѣ для неопустительнаго совершенія богослуженія и участія въ ежедневныхъ молитвахъ. При нахожденіи корабля у берега ему не позволялось безъ вѣдома оберъ-іеромонаха сходить съ корабля ни для какой нужды; только разъ въ недѣлю, въ четвертокъ послѣ совершенія дневной молитвы, онъ могъ съѣхать на берегъ, но къ ночи онъ долженъ былъ обязательно воротиться на корабль. Опущеніе священникомъ „службы Божіей“ влекло за собою въ первый разъ штрафъ въ одинъ рубль, во второй—въ два руб., а въ третій—наказаніе отъ начальнаго священника.

За присутствіе при службѣ Божіей въ пьяномъ видѣ священникъ въ первый и во второй разъ подвергался „жестокому“ наказанію отъ начальнаго священника, а въ третій—отсылался въ духовный судъ и лишался своего чина и достоинства.

Порядокъ совершенія ежедневныхъ молитвъ на кораблѣ былъ опредѣленъ въ особой „книжицѣ корабельной молитвенной“, которая многократно и въ большомъ количествѣ экземпляровъ издавалась какъ для арміи, такъ и для флота 4). На заглавномъ листѣ книжицы напечатано:

1) Тамъ-же, II, ч. 2-я, стр. 1186.

2) Тамъ-же, V, стр. 602.

3) Тамъ-же, V, стр. 603.

4) Для флота она была издана, кажется въ первый разъ, 9 мая 1714 г. У насъ подъ руками было изданіе для арміи 28 февраля 1715; разница между армейской и флотской книжицей очень незначительна; только въ одной молитвѣ слова о сохраненіи воинства отъ пораженія замѣнены словами о сохраненіи въ плаваніи отъ потопленія.

„Указъ всѣмъ въ войскѣхъ росейскомъ обрѣтающимъ Вышнимъ и нижнимъ Служителемъ Православнокаеолическія вѣры, коимъ образомъ, и въ которое время по вся дни должны приносить Господу Богу Моленія. А которыя иныхъ законовъ въ службѣхъ обрѣтаются, тѣ по своимъ уставамъ, однако въ то-жъ время“.

Утромъ молитва совершалась краткая въ такомъ порядкѣ: „Утромъ послѣ зори, трижды пробьютъ на молитву, вдругъ снять шляпы, наклонить ружье и самимъ наклониться“; молитвы: Господи Іисусе Христе-Отче нашъ и Богородице Дѣво; „восклонясь, ружье положить“. Такъ-же совершалась молитва и вечеромъ. Дневная молитва, въ 9-мъ часу утра была очень продолжительной и по своему составу являлась какъ бы особымъ богослуженіемъ. Порядокъ ея такой:

Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Трисвятое, Отче нашъ, Господи помилуй, Слава и нынѣ, Придите поклонимся, псаломъ 50.

Новоизбранные псалмы 1): 1) На тя Господи уповахъ; 2) Вознесу Тя Господи; 3) Благословенъ Господь Богъ мой, научай руцѣ мои на ополченіе; 4) Господи не вознесеса сердце мое.

Слава и нынѣ, Аллилуія трижды.

Молитвы: 1) Господи щедрый и милостивый, долготерпѣливъ и многомилостивъ; 2) Господи Боже нашъ, помяни насъ грѣшныхъ и непотребныхъ рабъ твоихъ; 3) Милостивъ и всемилостивъ Боже мой; 4) Боже и Господи силь, и всея твари содѣтелю.

Тропарь дне. Кондакъ: Взбранной воеводѣ. Тебе необоримую стѣну.

Апостоль Колосс. зач. 258 (Братіе, облецытетеся убо, якоже избранніи Божіи). Евангеліе Марка зач. 77 (Рече Господь: иже хочеть по мнѣ ити) 2).

Аще священникъ, ектенія великая.

По возгласѣ: „Паки и паки преклонше колѣна“, молитва ново-собранныя 3): Боже великій и вѣчный, святыи, едіне непобѣдимый 4).

По возстаніи священникъ или чтець: И сподоби насъ Владыко Всѣхъ предстоящіе глаголють пѣніемъ или чтеніемъ: Отче нашъ, Богородице Дѣво, Вся ангеловъ воинства.

Достойно есть и отпустъ.

1) Такъ они называются потому, что составлены изъ стиховъ разныхъ псалмовъ иначе, чѣмъ избранные псалмы, употребляемые въ праздникіи на величаніяхъ.

2) Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ книжицы послѣ этого слѣдуетъ еще Вѣрую.

3) Такъ она называется потому, что собрана изъ отрывковъ молитвъ, употребляемыхъ при богослуженіи.

4) Послѣ этой очень длинной молитвы въ нѣкоторыхъ книжицахъ слѣдуетъ еще одна краткая молитва.

Молитва дневная совершалась съ нѣкоторою торжественностью: на столѣ поставлялась дароносица съ Св. Тайнами и двѣ или три иконы, „на которыхъ письмо видно бы было“; но было запрещено ставить много складныхъ иконъ „по всякаго воли“, а тѣмъ болѣе зажигать много свѣчей, „воежебъ кораблю коего поврежденія не учинить“.

Въ случаѣ отсутствія священника молитва читалась или корабельнымъ секретаремъ или инымъ лицомъ, „коему приказано будетъ“.

Въ „Уставѣ Морскомъ“ предполагалось, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ корабляхъ, существованіе церкви и совершеніе литургіи: „На которомъ кораблѣ, говорится здѣсь, опредѣлена будетъ церковь, тогда священникъ долженъ оную въ добромъ порядкѣ имѣть, и въ воскресные и празднуемые дни, ежели жестокая погода не помѣшаетъ, литургію отправлять“. Это видно и изъ присоединеннаго къ Морскому Уставу „реэстра священническимъ настоящимъ вещамъ“, гдѣ показана походная церковь съ предметами, необходимыми для совершенія литургіи: антиминомъ священными сосудами и т. д. Но Св. Синодъ рѣшительно высказался противъ совершенія литургіи на корабляхъ и поэтому въ „Инструкціи флотскимъ священникамъ“ предписалъ: „въ воскресные дни и праздничные вечерню, утреню и дневныя молитвы корабельныя, вмѣсто часовъ, читать, и кромѣ сего ничто же“. Отъ этого постановленія Св. Синодъ не отказался даже и послѣ того, какъ самъ Государь выразилъ желаніе имѣть на одномъ кораблѣ походную церковь: 16 іюня 1721 года въ Синодъ поступило прошеніе кн. Ал. Дан. Меньшикова, въ которомъ онъ просилъ прислать, согласно указу Царскаго Величества, антимины съ принадлежащею утварью на корабль „Фридрихъ-Штатъ“ въ походную церковь, въ которой былъ уже поставленъ иконостасъ. Св. Синодъ отвѣтилъ на это очень почтительнымъ письмомъ¹⁾, что онъ не находитъ возможнымъ допустить совершеніе литургіи на кораблѣ по слѣдующимъ основаніямъ, „понеже на кораблѣ, во время морского волненія, бываетъ не малое какъ прочему, такъ и разливающимся вѣщамъ колебаніе, отъ чего иногда и пролітіе случается, каково и Пречистымъ Тайнамъ, въ литургіи совершаемымъ, случиться можетъ, чего соблюсти, хотя-бы и всячески по должности священнослужители тѣлалися, нужной великаго волненія случай не допустить, также и частое престола разбирание, по нуждѣ случающееся, не безъ поврежденія бываетъ, и въ храненіи оныхъ Тайнъ великая есть опасность: ибо по святымъ правиломъ, ежели что отъ Святыхъ Тайнъ небреженіемъ проліется, лишень бываетъ священнослужитель сана своего, паче же и самая христіанства должность понуждаетъ всемѣрно оныя Святыя Тайны, яко святѣйшую вещь, соблюдать и хранить, да николиже проліется; не хранящіе же того смертно согрѣшаютъ. Чего ради Святѣйшій Правительствующій Синодъ общимъ согласіемъ за благо разсудили:

¹⁾ Письмо начинается такимъ обращеніемъ: „Свѣтлѣйшій римскаго и російскихъ государствъ князь и прочая и прочая Александръ Даниловичъ“.

довольствоваться во флотѣ, кромѣ литургіи (которой за оною важностью совершаемой тамо быть опасно), прочими церковными службами, и безъ антимиаса отправляемыми; а для которой potreбы паче, то есть для причастія, требуется литургія, того требующіе могутъ быть сподоблены, и безъ такого зѣло опаснаго на кораблѣ литургіанія, запасными Святыми Тайнами, которыя при обрѣтающихся во флотѣ священникахъ всегда бывають¹⁾.

Изданные при Петрѣ уставы и инструкціи вмѣняли въ особенную обязанность флотскому священнику слѣдить за тѣмъ, чтобы опасно больные были благовременно напутствованы Св. Тайнами. Въ этихъ видахъ дѣятельность священника ставилась въ тѣсную связь съ дѣятельностью корабельнаго врача. По Морскому Уставу, лѣкарь обязанъ былъ вести ежедневную запись больныхъ съ указаніемъ ихъ болѣзни и прописанныхъ имъ лѣкарствъ; эта запись еженедѣльно провѣрялась имъ вмѣстѣ съ священникомъ и секретаремъ, при чемъ врачъ сообщалъ имъ, какія лѣкарства онъ примѣнялъ. Въ случаѣ опасной болѣзни кого-либо изъ больныхъ онъ долженъ былъ извѣстить объ этомъ священника, чтобы послѣдній могъ напутствовать больного. Съ своей стороны и священникъ обязанъ былъ докладывать капитану о трудно больныхъ.

Чтобы священникъ не вмѣшивался въ неподлежащія ему дѣла и не отвлекалъ служащихъ на кораблѣ отъ порученной имъ работы, кругъ его обязанностей былъ точно ограниченъ съ твердымъ предупрежденіемъ: „больше ни въ какія дѣла не вступать, ниже что по воли и пристрастію своему затѣвать“. Келейное правило онъ долженъ былъ читать тихо въ своей каютѣ, не привлекая къ этому никого изъ служащихъ, „дабы чтеніемъ партикулярнымъ помѣшки и препятія въ дѣлахъ общихъ корабельныхъ не дѣлать“.

Законъ стремился поставить авторитетъ священника на кораблѣ возможно высоко. Поэтому онъ требовалъ прежде всего отъ самого священника, чтобы онъ своимъ поведеніемъ служилъ примѣромъ для другихъ, „прилежалъ къ непорочному, трезвому и умѣренному житію, не прельщаль людей непостоянствомъ или притворною святостью и бѣгаль корысти, яко кореня веѣхъ злыхъ“. Нарушеніе этихъ требованій влекло за собою соотвѣтствующія наказанія и даже лишеніе сана. Съ другой стороны правила обязывали веѣхъ служащихъ на кораблѣ относиться къ священнику съ особеннымъ уваженіемъ, любить и почитать ихъ. Въ случаѣ нанесенія священнику обиды и безчестья, какъ словомъ, такъ и дѣломъ, онъ долженъ донести объ этомъ командиру корабля, а если послѣдній не обратитъ должнаго вниманія, то оберъ-іеромонаху, который съ своей стороны долженъ обратиться къ командующему съ просьбой о „достойной сатисфакціи, дабы обидящимъ поущенія не было, и не подавалась бы имъ причина большей смѣлости, а церковнымъ служителямъ

¹⁾ Полн. Собр. постан. и распор. по вѣд. пр. исп., 1, стр. 233; Оп. Арх. Св. Синод., I, стр. 375.

не наносилоя бѣ вящшихъ обидъ“; но если и это представленіе не достигнетъ цѣли, то оберъ-іеромонахъ долженъ послать донесеніе въ Св. Синодъ. За обиду, нанесенную священнику, Морской Уставъ опредѣляетъ наказаніе въ двойномъ размѣрѣ противъ того наказанія, которое полагалось за обиду и преступленіе противъ свѣтскаго лица.

Какова бы ни была въ дѣйствительности религіозно - нравственная жизнь и настроенность въ средѣ морскихъ офицеровъ и матросовъ, но Морской Уставъ требовалъ отъ нихъ самого строгаго соблюденія религіозныхъ обязанностей и почтительнаго отношенія ко всякой святынѣ. Присутствіе на молитвѣ и за богослуженіемъ было безусловно обязательно какъ для матросовъ, такъ и для всѣхъ офицеровъ; послѣдніе за опущеніе молитвы наказывались денежнымъ штрафомъ, въ первый разъ въ 25 коп., а за каждый послѣдующій разъ увеличивая сумму вдвое, рядовые же подвергались наказанію кошками. Гораздо строже было наказаніе за присутствіе на молитвѣ въ пьяномъ видѣ и за учиненный этимъ соблазнъ для другихъ: [за первые два раза офицеръ подвергался аресту у профоса (блюстителя внѣшней чистоты на кораблѣ, исполнявшаго въ то-же время обязанности палача при тѣлесныхъ наказаніяхъ), а въ третій разъ временно лишался офицерскаго званія и низводился въ рядовые; простые солдаты наказывались въ этомъ случаѣ кошками. За банкеты и игры во время службы Божіей назначался за первые два раза денежный штрафъ на госпиталь въ двойномъ размѣрѣ сравнительно со штрафомъ за небытіе на молитвѣ; а въ третій разъ виновный офицеръ лишался команды или чина по опредѣленію суда. Особенно благоговѣйное отношеніе требовалось отъ служащихъ на кораблѣ къ Святымъ Тайнамъ; когда священникъ шель съ Святыми Дарами къ больному для причащенія, его провожалъ съ подобающею честью офицеръ; вблизи того мѣста, гдѣ проходилъ священникъ и гдѣ совершалось причащеніе больного, строго запрещалось сидѣть или стоять съ покрытою головою, производить крикъ, шумъ или игру и курить табакъ.

Особенно строгія наказанія налагались за преступленія противъ вѣры. Такъ, обличенные въ безбожіе, идолопоклонствѣ, чародѣйствѣ и тому подобныхъ суевѣріяхъ, смотря по степени вины, подвергались или заключенію въ желѣза и наказанію кошками съ публичнымъ церковнымъ покаяніемъ или сожженію. За сознательную намѣренную хулу и поруганіе имени Божія, службы Божіей и Святыхъ Таинъ, будетъ ли это совершено въ трезвомъ или пьяномъ видѣ, назначалось прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ и отсѣченіе головы. Точно также и за хуленіе Божіей Матери и святыхъ виновные подвергались или смертной казни или тѣлесному наказанію, смотря по степени вины и „состоянію особы“. Даже и тотъ, кто слышалъ хулу, но не донесъ объ этомъ, подвергался, какъ соучастникъ богохуленія, лишенію или чина, или пожитковъ, или даже жизни.

Вопросъ о соблюденіи постовъ на службѣ какъ во флотѣ, такъ и

въ арміи поднимался неоднократно. При находженіи флота въ предѣлахъ русскихъ владѣній соблюденіе церковныхъ требованій относительно поста не представляло особенныхъ трудностей; но при далекихъ плаваніяхъ въ предѣлахъ Россіи снабженіе экипажа одною только постною пищею оказывалось почти невозможнымъ. Въ виду этого военное и морское вѣдомства вынуждены были обращаться къ представителямъ церкви съ ходатайствомъ объ освобожденіи служащихъ въ арміи и флотѣ отъ обязательнаго поста. Вопросъ разрѣшенъ былъ грамотой Константинопольскаго Патріарха, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Наша мѣрность, снисходительно пріявши (прошеніе), благодатію и властію Всесвятаго Духа, данною намъ другъ друга преемно чрезъ Апостоловъ отъ Господа Иисуса Христа... позволяеть и прощаеть всему реченному Христіолюбивому воинству благочестивѣйшія пресвѣтлости и державнаго Царствія всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи, яко (егда случатся во время войны отъ оскуднѣнія и недостатка нужныхъ къ питанію, за безплодіе мѣсть, въ которыхъ случатся творяще пребываніе) да ядятъ невозбранно мяса“. Однако, къ этому прибавлено требованіе, чтобы войны, приступая къ причащенію, „предочистили себя постомъ отъ мяса семь дней“¹⁾.

Строгія требованія предъявлялись къ служащимъ на кораблѣ и относительно нравственной жизни. Пьянство, воровство, доставка на корабль вина и табаку для продажи, взаимные раздоры, оставленіе на ночь на кораблѣ чужой женщины, не возвращеніе на корабль въ теченіе цѣлой ночи и т. д.,—все это строго запрещалось педъ опасеніемъ тяжелой кары. Практиковавшіяся въ этомъ случаѣ наказанія носили очень жестокой характеръ. Особенно строгія взысканія были опредѣлены въ „Инструкціи и Артикулахъ военныхъ російскому флоту“, обнародованныхъ въ 1710 году; такія наказанія, какъ 100 ударовъ канатомъ, протаскиваніе подъ кораблемъ или спущеніе съ райны (до трехъ разъ, назначались сравнительно за небольшія провинности; но, напр., за ударъ ножомъ опредѣлялось такое наказаніе: рука виновнаго „къ махтѣ ножомъ же прибита да будетъ потамѣсть, дондеже самъ у себя оную прорѣжетъ“; или за убійство товарища: „живаго виноватаго съ мертвымъ спина къ спинѣ связавъ, и вкупѣ съ корабля въ море бросить“. Вполнѣдствіи въ „Уставѣ Морскомъ“ (1720 г.) наказанія нѣсколько были смягчены, но все же и здѣсь они не отличаются снисходительностью. Это объясняется не только духомъ времени, но и условіями тогдашней флотской службы: въ составъ флотскаго экипажа особенно на галерныя суда очень часто привлекались явные преступники, держать которыхъ въ повиновеніи можно было только желѣзной дисциплиной²⁾.

1) Полн. Собр. зак. Росс. Имп., т. V, стр. 550—552; № 3173; такія грамоты были даны въ 1716 (въ апрѣлѣ), 1717 (9 апрѣля) и 1718 (7 марта) годахъ.

2) Елагинъ, Ист. русск. флота, ч. 1-я, стр. 200.

Но и строгій режимъ не могъ внести хотя бы внѣшнее благообразіе въ грубую флотскую среду. „Нравственность нижнихъ чиновъ, говорить *Θ. Веселаго*, на нашемъ, также какъ и на всѣхъ иностранныхъ флотахъ того времени, стояла на довольно низкомъ уровнѣ: пьянство, драки и воровство были явленіями обычными, и въ особенности давали себя чувствовать во время пребыванія нашихъ судовъ за границей“. При этомъ онъ ссылается на письмо посла кн. В. Л. Долгорукова, писавшаго гр. Апраксину о поведеніи командъ фрегатовъ, бывшихъ въ 1711 году въ Копенгагенѣ: „Чтожь Ваше Пр-во изволите припоминать, чтобъ мнѣ охранить, дабы не было какого отъ служителей на фрегатахъ здѣсь стыда, я во истинно то дѣлалъ, сколько могъ, и офицеры остерегали, сколько возможно имъ было; только ничто не успѣваетъ: такіе люди на тѣхъ фрегатахъ, дѣлають стыдъ такой, чего здѣсь не видано: непрестанно пьяны, валяются по улицамъ, дерутся, всѣ ходять чуть не наги; однимъ словомъ, могу В. Пр-во вѣрно донести, не только подобны,—самые они ярыжки кабацкіе собраны“. Но о матросахъ Долгорукій даетъ довольно одобрительный отзывъ: „матросы добры, рѣдкій изъ нихъ такой, какъ выше писано, и офицеры матросами довольны“¹⁾.

Протоіерей А. Смирновъ.

„Двадцать верстъ лѣсомъ“.

(Изъ передвиженій полковаго священника въ военное время).

Священникъ N уланскаго полка 15-го сентября 1914 года долженъ былъ изъ обоза 2-го разряда отправиться къ полку, въ дер. Богатеры. Предписаніе объ этомъ получено было уже около 12-ти часовъ дня. — „Успѣете еще доѣхать, если и пообѣдаете“,—говорили жители-офицеры. „Вѣдь до Богатеръ (въ Гродненской губерніи) всего 10-ть верстъ. А въ 1 ч. дня вамъ будетъ и попутчикъ: старшій ветеринарный врачъ Казачьяго полка туда-же ѣдетъ“.

Выѣхали въ 1 ч. дня. Ызда въ церковной двуколкѣ, по худой осенней дорогѣ, по грязи и песку, не могла быть быстрой, такъ что до Богатеръ доѣхали только въ 3 часа дня. Но и полкъ, и девизіонный обозъ 1-го разряда уже выѣхали. А куда?.. Наконецъ нашлась у солтуса (старосты) въ крайнемъ домѣ записка: „поѣхали на „Черный Бродъ“. Вахмистръ Чекишевъ“. И больше ничего. А гдѣ этотъ „Черный Бродъ“?—Нѣтъ ни провожатаго, ни карты.

— „Я, батюшка, поѣду ужъ дальше съ казаками“,—сказалъ ветеринарный врачъ. „Ужъ очень холодно, а ваша двуколка по такой дорогѣ скоро не поѣдетъ. А чрезъ 13-ть верстъ будетъ деревня Миклашевка какая-то; тамъ мы съ вами и переночуемъ, если не застанемъ ни полка, ни обоза“. И уѣхаль..

Положеніе было не изъ приятныхъ; особенно при плохой дорогѣ, сильномъ вѣтрѣ и непрекращающемся дождѣ. Проѣхали три версты.

1) *Θ. Веселаго*, Очеркъ русской морской исторіи, ч. 1-я стр. 437.

— „Врачъ приказали передать вамъ, батюшка, что послѣ моста нужно повернуть влѣво“,—крикнулъ какой-то казакъ.

Повернули послѣ моста влѣво; вѣхали въ перелѣсокъ. Дорога—сплошные пески. Лошадь начала временами останавливаться. Встрѣтился верховой казакъ; оказалось изъ состава „Летучей почты“ *).

— „Далеко-ли до Миклашевки?“—спрашиваемъ.

— „Нѣтъ тутъ никакой Миклашевки близко“,—отвѣчалъ онъ. „Да и вообще никакихъ селеній ближе 30-ти верстъ нѣтъ“.

Это было полной неожиданностью. Начало уже темнѣть. Лошадь все чаще стала останавливаться. Вѣхали въ дремучій лѣсъ. Дождь не прекращался. Дорога—сплошная глубокая грязь. Встрѣчается другой казакъ изъ „Летучей почты“.

— „Далеко-ли до деревни какой-нибудь?“

— „Не могу знать! Близо нѣтъ“.

Наконецъ лошадь совсѣмъ стала; ѣздовой пошелъ пѣшкомъ. Лошадь прошла нѣсколько шаговъ и опять остановилась; пришлось слѣзть и священнику. Такъ проѣхали еще 5 верстъ. Лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ.

— „Проѣзжалъ вашъ ветеринарный врачъ?“—спрашиваемъ слѣдующаго казака.

— „Такъ точно, съ часъ тому назадъ“. И то, думаемъ, хорошо.

Попадается доска съ полустертой надписью: „на Черный Бродъ“. Это еще лучше: значить вѣрно хоть ѣдемъ, а тамъ будь что будетъ. Всѣ немножко повеселѣли.

А лѣсъ не прекращается. Становится совсѣмъ уже темно; лошадь едва плетется; дождь не перестаетъ. Спутники,—церковникъ, уланъ на полухромой лошади, привезшій приказаніе, да пѣшій ѣздовой,—совсѣмъ вымокли. Священника спасала еще бурка.

— „А что, батюшка, будемъ дѣлать, если нѣмецкій разѣздъ встрѣтимъ?“—спрашиваетъ полуплутливо церковникъ. И тутъ же серьезно добавляетъ: „Казакъ говорилъ, что вчера и сегодня утромъ видали ихніе разѣзды недалеко отъ дороги“.

— Что жъ тутъ дѣлать?.. Попадёмъ въ плѣнъ; а уланъ, можетъ быть, ускачетъ сообщить въ полкъ“. И правда, ничего иного придумать нельзя было; а улану на его истощенной и усталой лошади тоже не удалось бы уѣхать отъ разѣзда.

Ѣдемъ дальше. Встрѣчается еще казакъ.—„Далеко-ли до Чернаго Брода?“ Онъ немного подумалъ:—„Да верстъ пять еще будетъ“.

Проѣхали 5 верстъ. Нагнали или, вѣрнѣе, наткнулись на двоихъ крестьянъ-поляковъ съ телѣгами, нагруженными овеомъ для дивизіи.—„Далеко-ли до Чернаго Брода?“—задаемъ обычный вопросъ.

— „А далѣче, далѣче еще, пане: верстовъ семь, а́льбо (или) ѓсемь“...

Вотъ такъ утѣшили: было 5 верстъ, проѣхали ихъ, а осталось еще семь... Это, наконецъ, начало приводить въ отчаяніе. А дождь не прекращается; лѣсъ тоже. Да и лѣсъ не простой, а почти мачтовый и частый, что еще больше затемняло дорогу; и ни малѣйшаго просвѣта, потому что тянется вглубину на обѣ стороны на большое разстояніе. Это—Августовскіе (Августовскаго уѣзда) казенные лѣса.

Проѣхали верстъ шесть-семь. Попадается веселый казакъ, что-то напѣвающій вполголоса.

*) Летучая почта—поставленные для связи съ частью войскъ верховые на разстояніи 3-хъ верстъ одинъ отъ другого; верстъ на 12—15 другъ отъ друга ставить „пикетъ“,—6—7 человекъ въ одномъ мѣстѣ.

— „Далеко-ли до Чернаго Брода?“—спрашиваетъ уже безнадежнымъ голосомъ церковникъ.

— „А близко, версты двѣ не больше!“—отвѣчаетъ веселый казакъ.

— „А что-жъ лѣсъ-то не кончается?“—сомнѣвается церковникъ.

— „Какъ выйдете изъ лѣса, такъ и будетъ этотъ самый Черный Бродъ“,—успокаиваетъ казакъ.

Поѣхали двѣ версты и увиѣли издали блестящія рѣдкіе огоньки. Слава тебѣ Господи!.. Всѣ облегченно вздохнули.

А лошадь все чаще и чаще останавливается; а дождь, наоборотъ, ни на минуту не останавливается.

Подѣхали къ хатѣ крайней. Церковникъ пошелъ на развѣдки.

— „Тутъ, батюшка, нашего полка нѣтъ: онъ въ деревнѣ Пляске, вереть пять еще“... Священникъ совсѣмъ растерялся сначала: что тутъ дѣлать?.. Лошадь окончательно стала.—„Здѣсь вольноопредѣляющіеся съ подпрапорщикомъ, — сообщилъ церковникъ. У нихъ тепло и просторно... А лошадь все равно не пойдетъ дальше... Какъ прикажете?..“

Грязь на дорогѣ въ деревнѣ была еще глубже. Рѣшили переночевать здѣсь; а въ полкъ послать записку и письма командиру полка и адъютанту: на церковной двуколкѣ были и письма для всего полка и погоны для всѣхъ офицеровъ. С провождавшій конный (собственно, вѣрнѣе, художонный или полуконный) уланъ поѣхалъ въ дер. Пляске, а мы вошли въ избу.

Вотъ въ какое время можно оцѣнить какъ слѣдуетъ гостепрѣимство! Гусары-вольноопредѣляющіеся встрѣтили священника очень радушно: обсушили, накормили, напоили чаемъ и уступили даже свою кровать...

На другой день въ 6^{1/2} ч. утра священникъ поѣхалъ къ полку. Проѣзжая дорогу отъ Чернаго Брода до дер. Пляске, онъ могъ рѣшить, что, если бы поѣхалъ наканунѣ къ полку, то или бы словилось объ дерево колесо (до ога шла тропинками почти по лѣсу) или ввалились бы въ темнотѣ въ находившійся совсѣмъ близко къ дорогѣ Августовскій каналъ..

Принято какъ то считать, что нестроевымъ чинамъ и на войнѣ живется покойно; а военную тяготу несутъ только строевые. Никто, конечно, не будетъ оспаривать того, что строевые подвергаются и большимъ опасностямъ, и пользуются меньшими удобствами.

Но пусть не забудутъ и того, что иногда (и не очень рѣдко, потому что описанное—одинъ только изъ очень многихъ и добрыхъ случаевъ) приходится переносить и испытывать и нестроевымъ чинамъ, въ родѣ священника. Да и на долю другихъ нестроевыхъ чиновъ выпадаетъ не мало такихъ минутъ, когда... „лошадь останавливается, дождь и вѣтеръ не прекращаются, лѣсъ тянется на 20 версть (безъ преувеличенія), полная темнота, а ожидаемый ночлеги и пріюти далеко-далеко“... (до дер. Пляске—болѣе 50-ти версть). Тутъ ужъ объ опасности и не думалось. А она была не такъ далеко... Только Богъ—хранитель всѣхъ вѣрующихъ въ Него!.. Въ этомъ не одинъ разъ приходилось здѣсь же, на войнѣ, убѣждаться.

Свящ. *Петръ Масловъ.*

Изъ дневника военнаго священника.

14-го сентября, воскресенье, деревня Выхлыювка, Мѣлецкаго уѣзда, въ Австріи. Утромъ, до обѣда, на подворьи господскаго дома, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ полка, было совершено всенощное бдѣніе съ выносомъ и поклоненіемъ Св. кресту, который былъ убранъ красивыми вѣнками изъ разныхъ цвѣтовъ. Затѣмъ, здѣсь же на дворѣ, была совершена обѣдница. Едва только окончилось церковное богослуженіе, какъ въ полкъ прибыла партія изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, состоящая изъ 306 человекъ подъ командой прапорщиковъ: Бѣляева, Пигарева, Попова и Шеляпина.

Немедля въ присутствіи ихъ было отслужено молебствіе съ обычными многолѣтіями и сказано мною соотвѣтствующее поученіе, затѣмъ новопривывшихъ распредѣлили по 8-ми ротамъ полка. При этомъ распредѣленіи общее вниманіе присутствующихъ офицеровъ обратилъ на себя одинъ изъ новопривывшихъ доброволецъ Точининъ, который былъ зачисленъ въ 6-ю роту. На разпросы, обращенные къ нему, онъ показалъ, что онъ — сынъ священника изъ г. Риги, учился въ одной изъ Кіевскихъ гимназій. Когда началась война, у него явилось страстное желаніе послужить въ рядахъ дорогого русскаго воинства. И вотъ онъ, выѣхавъ изъ Кіева, присоединился къ эшелону, шедшему на войну. Съ этимъ эшелономъ онъ проѣхалъ чрезъ гг. Ковель, Холмъ и Люблинъ, а отсюда пѣшкомъ добрался до передовыхъ позицій 5-го стрѣлковаго полка. Роста онъ не высокаго, слабогрудый, безъ бороды и усевъ, худощавый, но бодрый и смѣльчакъ.

20 сентября, суббота, дер. Вонворхово. Переночевавъ въ д. Рожки, сегодня въ 2 часа дня нашъ полкъ скорымъ маршемъ пришелъ въ г. Опатовъ, откуда послѣ часоваго тамъ отдыха, прибылъ въ д. Вонворхово. Здѣсь на бивуакѣ у господскаго двора полкъ пообѣдалъ. А затѣмъ, предъ закатомъ солнца, полкъ получилъ приказаніе выступить на позиціи и начать рыть окопы. Полковымъ врачамъ и мнѣ было предложено переночевать здѣсь въ господскомъ домѣ, куда вскорѣ прибыли докторъ и священникъ 2-го Царскосельскаго стрѣлковаго полка.

21 сентября, воскресенье. Ночь прошла почти безъ сна. Нашъ полкъ, въ числѣ другихъ полковъ нашей 2-й стрѣлковой бригады, всю ночь участвовалъ въ сторожевомъ охраненіи. Въ ту же ночь въ полку было получено извѣстіе о приближеніи къ Опатову германскихъ и австрійскихъ войскъ, въ количествѣ болѣе 2-хъ корпусовъ. Эту неприятельскую массу было приказано удерживать двумя стрѣлковыми бригадами: первой гвардейской и второй Европейской, съ двумя артиллерійскими своими бригадами. Сегодня былъ большой бой у г. Опатова. Еще до разсвѣта доктора и я выѣхали изъ д. Вонвархова чрезъ Опатовъ на сѣверо-западныя позиціи, и весь нашъ лазаретный обозъ остановился въ д. Бржезе, гдѣ въ одной крестьянской избѣ нами устроенъ былъ перевязочный пунктъ. Едва только взошло солнце, какъ завязался артиллерійскій, а затѣмъ и ружейный бой. Вскорѣ къ намъ стали прибывать раненые стрѣлки, которымъ немедленно была подаваема докторами медицинская помощь, а тяжело раненыхъ я тутъ же возлѣ лазаретной линейки исповѣдывалъ, приобщалъ Св. Таинъ и увѣщевалъ перенести боли и раненія терпѣливо и съ покорностью воли Божіей... Затѣмъ, вскорѣ артиллерійскіе снаряды стали падать и разрываться вблизи насъ; поэтому, по распоряженію стар. врача В. Н. Сенькова, нашъ перевязочный пунктъ былъ

перевезенъ въ сосѣдную, близъ ея лежащую деревню Германцы, гдѣ вновь прибывавшимъ раненымъ подавалась и медицинская и духовная помощь.

Хотя наши стрѣлки дрались цѣлый день, какъ львы, однако, вслѣдствіе превосходнаго количествомъ германскаго и австрійскаго корпусовъ, нашему полку, въ числѣ прочихъ, было приказано понемногу отступать къ Сандомиру, задерживая стремительный натискъ непріятеля. При этомъ едва не досталось въ руки врагамъ знамя нашего полка, его спасли: знаменщикъ подпрапорщикъ В. Е. Костюковъ, подпрапорщикъ С. А. Найдинъ, полковой адъютантъ поручикъ Т. С. Ростиславскій и мн. друг. Передъ вечеромъ нашъ лазаретный обозъ, имѣя много раненыхъ стрѣлковъ и офицера, подпоручика К. И. Гринкевича, началъ отступать къ Сандомиру. При этомъ въ нашъ обозъ упала непріятельская шрапнель, которой былъ убитъ одинъ стрѣлокъ... Уже поздно ночью мы прибыли къ г. Сандомиру, гдѣ застали массу отступившихъ войскъ и обозовъ. Изъ нашего полка въ теченіи дня выбыло изъ строя убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими около 1000 нижнихъ чиновъ и ранено три офицера: капитаны Шаровскій и Рысинъ (взятъ въ плѣнъ) и подпоручикъ Гринкевичъ.

22 октября, вторникъ, дер. Ксаны. Сегодня во время дневки, въ нашъ полкъ вдругъ явился нашъ фельдшеръ ротный, Бреславецъ, который числился съ 21 сентября во время боя подъ Опатовымъ безъ вѣсти пропавшимъ. Оказывается, что онъ попавъ въ этотъ день къ австрійцамъ въ плѣнъ, оттуда бѣжалъ и сегодня вотъ что онъ, повѣдалъ командиру полка: когда, во время боя подъ Опатовымъ, онъ подавалъ помощь раненымъ стрѣлкамъ, то тамъ же на полѣ битвы онъ наткнулся на лежащаго на землѣ стрѣлка 6-й роты Точинина, котораго, какъ тяжело раненаго, онъ началъ перевязывать. Вдругъ настигли на нихъ австрійцы и забрали ихъ въ плѣнъ, привезя раненыхъ въ Опатовъ и помѣстивъ ихъ въ городской больницѣ. Здѣсь-то оказалось, что раненый Точининъ не мужчина, а—дѣвица; австрійскіе доктора лечили Точинину, поручая фельдшеру Бреславцу перевязывать ея раны. Ему-то и повѣдала наединѣ Точинина свою автобіографію, совѣтовала ему бѣжать изъ плѣна и при этомъ дала ему записочку, написанную ею лѣвой рукой, такъ какъ въ правую руку она была ранена, на имя своей воспитательницы, Ольги Николаевны Рознатовской, проживающей въ г. Кіевѣ, по улицѣ Гоголя, д. № 32. Эта записочка сохраняется еще пока въ полку. Самъ же Бреславецъ, когда австрійцы, послѣ пораженія у Ивангорода, отступили отъ Опатова, скрылся въ большой пустой бочкѣ и, по уходѣ непріятеля, бѣжалъ въ Штабъ 9-й русской арміи, который указалъ ему, гдѣ находится нашъ полкъ, куда онъ прибылъ благополучно сегодня...

28 Декабря, воскресенье. Деревня Колонія Либишова... Изъ собранныхъ и присланныхъ въ полкъ справокъ оказывается, что стрѣлка 6-й роты, раненаго подъ г. Опатовымъ, зовутъ Леонилой Павловной Точининой. Ей 24 года. Она дочь священника изъ г. Риги, гдѣ училась въ женской гимназіи. Затѣмъ поступила на высшіе женскіе курсы въ Кіевѣ, гдѣ пробыла 3 года. Въ бою подъ Опатовымъ она проявила необычайную храбрость и получила пять ранъ въ грудь, а одну—въ правую руку.

Когда австрійцы отступали отъ Опатова, то ее, какъ тяжело раненую, оставили здѣсь же въ больницѣ, откуда ее перевели русскіе, заняв-

шіе Опатовъ, въ госпиталь, кажется № 49 или 50. Въ настоящее время Точинина эвакуирована въ Москву, гдѣ она находится на излеченіи въ больницѣ „Утоли моя печали“, Лефортово, 11.

За особую храбрость, проявленную въ бою 21 сентября, стрѣлокъ Точинина награждена Георгіевскимъ крестомъ № 89205-мъ, который пока сохраняется въ полковомъ денежномъ ящикѣ.

Священникъ *Николай Селецкий*.

Телефонистъ Жубинскій.

Въ горячемъ бою К—скаго полка 7—10 октября подъ деревней М—цъ былъ такой случай.

Правый флангъ боевого участка находился въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: надъ нимъ командовали съ двухъ сторонъ наблюдательные пункты австрійцевъ, вездѣтвѣ чего непріятельская артиллерія—легкая и тяжелая—сосредоточила на этомъ участкѣ нашихъ окоповъ рѣшительный огонь, который не была въ состояніи и бороться наша артиллерія. Роты несли громадныя потери, не имѣя возможности днемъ перемѣнить мѣсто, не дававшее никакихъ укрѣпій позади окоповъ. Оставалось сидѣть въ нихъ подъ легкими блиндажами и терпѣть. Это было настоящее испытаніе *силы духа* защитниковъ позиціи.

Когда въ одномъ изъ окоповъ часть К—цевъ подъ вліяніемъ страшнаго огня, вырывавшаго людей десятками и засыпавшаго ихъ землей, дрогнула и обнаружила попытку отступить, дежурный въ окопѣ телефонистъ, рядовой Афанасій Жубинскій, за отсутствіемъ на этомъ участкѣ окопа старшаго, подзвалъ къ себѣ ближайшихъ людей, силою около отдѣленія, и остановилъ отходъ. При этомъ онъ сумѣлъ сообщить имъ рѣшимость оставаться „до конца“.

Во время этого сидѣнія Жубинскій, находясь какъ уже было сказано, при телефо номъ аппаратѣ, не прекращалъ освѣдомлять командира полка о видимой имъ обстановкѣ, докладывая обо всемъ совершенно спокойнымъ тономъ.

Въ томъ же бою, но на другой позиціи, рядовой Жубинскій оставался при своей станціи до подхода атакующей австрійской пѣхоты *вплотную*. Когда они были отъ насъ на разстояніи двухъ-трехъ сотъ шаговъ, Жубинскій донесъ объ этомъ командиру полка и сирозиль указаній.

— Не смѣй снимать аппаратъ; доноси все, что будетъ происходить,—приказалъ командиръ.

— Слушаю.

И затѣмъ нѣсколько разъ толково и спокойно ориентировалъ командира о ходѣ австрійской атаки и о нашей оборонѣ. Наконецъ, Жубинскій далъ вызвъ и доложилъ:

— Австрійцы въ 10 шагахъ отъ окоповъ: что прикажете дѣлать?

На разрѣшеніе святъ станцію и уходить съ ней, Жубинскій безъ малѣйшаго измѣненія въ голосѣ отвѣчалъ:

— Слушаю, ваше высокоблагородіе. Вынимаю аппаратъ и скатываю катушку.

Телефонистъ такимъ образомъ изображалъ собою „арьергардъ“; наши отошли раньше. Онъ методически со станціей, скатывая катушку, дошелъ до своихъ, гдѣ снова включилъ аппаратъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Могилева. Нѣтъ такой земной награды, которой можно было бы отплатить нашимъ воинамъ за ихъ самоотверженное геройство. Долгъ всѣхъ русскихъ людей всегда и вездѣ отмѣчать эту самоотверженную дѣятельность и воздавать честь славнымъ героямъ, особенно при гробѣ положившихъ жизнь свою за отечество. Такую честь воздадь умершему отъ ранъ воину Никитѣ Рублевскому при опусканіи его тѣла въ могилу священникъ Могилевскій военно-Михайловской церкви о. А. Высочинскій, произнесшій слѣдующее краткое надгробное слово:

„Доблестный воинъ Никита! Воззри духовнымъ своимъ окомъ и виждь предстоящихъ „крестъ тебя“ людей.

Какъ жители евангельскаго града Наина, сочувствуя горю бѣдной матери-вдовы, провожали до могилы гробъ ея единственнаго сына, такъ нынѣ почти все населеніе Могилева безъ различія сословій, возрастовъ и исповѣданій проводило тебя до далекой отъ города могилы. Вѣдь это не праздное любопытство руководило толпою, а каждый и всѣ мы провожали тебя или съ чувствомъ отца, или матери, или братьевъ, или сестеръ... Всѣ мы безконечно цѣнимъ великую твою жертву за Царя, за Родину, за всѣхъ насъ и, какъ можемъ, свидѣтельствуемъ тебѣ свою любовь и шлемъ отъ всего сердца молитву къ небесамъ.

Прими же отъ насъ послѣднее прощаніе и спи здѣсь мирнымъ и покойнымъ сномъ. Ты исполнилъ до конца свой великій долгъ передъ Отчизной. Да упокоитъ тебя Господь въ селеніяхъ праведныхъ!

БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Д. Троицкій. Евангельскія блаженства. Кіевъ, 1914 г.; ц. 75 к.

Мы глубоко радуемся появленію каждой новой книжки, посвященной объясненію „Нагорной проповѣди“ Иисуса Христа. Безконечная высота этой проповѣди заставляетъ биться отъ восторга и благоговѣнія даже очерствѣвшее сердце. Поэтому, чѣмъ чаще будетъ дѣлаться напоминаніе о великихъ заповѣдяхъ нагорной проповѣди, тѣмъ большая услуга можетъ быть оказана дѣлу евангельскаго благовѣстія въ средѣ нынѣшнихъ христіанъ, забывающихъ заветы Христа.

Книжка А. Д. Троицкаго трактуетъ только о евангельскихъ блаженствахъ. Но и частичное обзорѣніе нагорной проповѣди имѣетъ свою цѣнность, тѣмъ болѣе, что эти блаженства вѣрующіе чаще всего слышать за богослуженіемъ. Цѣнная особенность названной книжки заключается въ томъ, что она можетъ заинтересовать не только человѣка, ищущаго назидательнаго и душеполезнаго чтенія, но и образованнаго богослова. Кромѣ истолкованія внутренняго смысла евангельскихъ блаженствъ, здѣсь даются справки чисто научнаго характера относительно греческаго текста, разночтеній въ рукописяхъ и т. д.

Что касается истолкованія, то оно въ большинствѣ случаевъ опирается на святоотеческія творенія и главнымъ образомъ на толкованіе св. Іоанна Златоуста. Чего-нибудь новаго и оригинальнаго вы здѣсь не встрѣтите; но можетъ быть это должно быть отнесено къ числу достоинствъ книги: евангельское слово слишкомъ великое слово, чтобы это можно было толковать единичнымъ разумомъ помимо вселенскаго

разума Церкви. Но въ книгѣ А. Д. Троицкаго евангельскія блаженства освѣщаются съ такою полнотою, что здѣсь каждый церковный проповѣдникъ найдетъ богатый и разнообразный матеріалъ для своихъ бесѣдъ о евангельскихъ блаженствахъ.

Впрочемъ, есть здѣсь и нѣкоторые недочеты. Языкъ книги нѣсколько приподнятъ, чуждый той простоты и ясности, которая особенно желательна въ подобныхъ сочиненіяхъ. Беремъ почти наугадъ такой, напр., періодъ: „Такъ какъ нагорная проповѣдь вся—ученіе о нашей душевной жизни, о направленіи и устроеніи этой жизни для достиженія „блаженства“, счастья и возвѣщеннаго, принесеннаго Христомъ спасенія, то слова ея, излившіяся изъ глубинъ до смерти любящаго людей сердца Богочеловѣка, сладостны, отрадны для насъ, какъ благовѣстный звонъ, какъ призывъ туда, куда вѣчно и неудержимо устремлены желанія нашего жаждущаго счастья и спасенія сердца“. Можно было бы выразиться попроще, безъ этихъ 5-ти причастій, безъ этого повторенія однихъ и тѣхъ-же словъ (жизни—жизни, счастья—счастья, сердца—сердца, спасенія—спасенія), а главное—можно было бы сказать покороче. Излишнее стремленіе къ литературнымъ красотамъ заставляло иногда автора читать въ Евангеліи и то, чего тамъ совсѣмъ нѣтъ. Вотъ что, напр., говоритъ авторъ: „Св. Матѳей очевидно сопоставляетъ и противопоставляетъ обстановку новозавѣтнаго Христа законодательства любви и милости во время нагорной бесѣды съ обстановкою и обстановкѣ вехозавѣтнаго синайскаго законодательства суровой справедливости и строгой кары... Тамъ—пылающая, дымящаяся, колеблющаяся пустынная гора Синай, здѣсь—небольшая, б. м., покрытая зеленою гора св. земли“; и далѣе идутъ цѣлыхъ 8 „тамъ“ и „здѣсь“. Никакого сопоставленія и противопоставленія у ев. Матѳея нѣтъ: онъ говоритъ только: „І. Христосъ возшелъ на гору; и, когда съѣлъ, приступили къ Нему ученики Его; и Онъ, отверзши уста Своя, училъ ихъ, говоря“ (Мѳ. 5,1). Очевидно противопоставленіе принадлежитъ не ев. Матѳею, а г. А. Троицкому.

Но все же разсматриваемая книжка можетъ быть признана очень полезной и заслуживающей вниманія. Жаль только, что цѣна за нее назначена нѣсколько преувеличенная: 75 коп. за 118 стр. крупнаго шрифта—это очень не дешево.

С.

И. об. редактора, прот. А. Смирновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915-й годъ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

Отдыхъ христіанина

(XV-й годъ изданія),

издаваемый Высочайше утвержденнымъ Всероссійскимъ
Александро-Невскимъ Братствомъ трезвости.

Это—ежемѣсячный журналъ художественной беллетристики, отражающій всѣ явленія религіозно-философской мысли и жизни, литературныхъ и церковно-общественныхъ теченій, съ широко разработаннымъ апологетическимъ отдѣломъ, особенно цѣннымъ для законоучителей и учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 1915-го года въ программѣ журнала кромѣ вопросовъ религіи и морали, церковнаго обзрѣнія, отголосковъ жизни и литературы, будетъ открытъ новый отдѣлъ, имѣющій задачей—дать священнику живую и яркую нить мыслей для бесѣдъ на праздничные и воскресные дни каждаго мѣсяца (въ духѣ набросковъ „На каждый день“, какіе давались въ „Воскресномъ Благовѣстѣ“). Чтобы проновѣдническій матеріалъ могъ быть использованъ своевременно, въ январѣ будутъ помѣщаться февральскія бесѣды, въ февралѣ—мартовскія и т. д.

Кромѣ 12 книжекъ, въ которыхъ свыше 2000 стр., журналъ дастъ въ видѣ бесплат. прилож. на 1915 г. отдѣльную книгу извѣстнаго писателя И. П. Ювачева

ВОЙНА И ВѢРА,

съ иллюстраціями.

Цѣна журнала съ бесплат. прилож. и пересыл. въ годъ 4 р.; за границу—6 р.
Адресъ редакціи: Петроградъ, Обводный, 116.

Редакторъ Прот. П. Миртовъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

РОДНАЯ ЖИЗНЬ

(ранѣе—„ТРЕЗВАЯ ЖИЗНЬ“).

XI-й годъ изданія.

Являясь органомъ Высочайше утвержденаго Всероссійскаго Александро-Невскаго Братства трезвости и продолжая задачу просвѣтительнаго характера, поставленную 10 лѣтъ назадъ „Трезвой Жизнью“, преобразованная изъ послѣдней „Родная Жизнь“ съ наступающаго 1915-го года будетъ выходить еженедѣльнымъ изданіемъ и значительно расширить свою программу.

Стремясь къ возможно полному и всестороннему освѣщенію родной жизни въ ея идеалахъ и дѣйствительности, журналъ въ отдѣлѣ „за семь дней“ дастъ исчерпывающую лѣтопись важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ событій, чѣмъ вполне замѣнитъ для провинціи ежедневную газету. Но на первомъ мѣстѣ будетъ попрежнему стоять отдѣлъ „Трезвая Жизнь“, гдѣ будутъ широко обсуждаться вопросы, связанные съ трезвеннымъ движеніемъ.

Въ военномъ обзрѣніи будутъ даваться свѣдѣнія о дѣятельности свѣдѣній и корреспондентскихъ сообщеній съ театра военныхъ дѣйствій.

Въ качествѣ бесплатнаго приложенія подписчики получатъ:

**Труды Всероссійскаго Съѣзда практическихъ дѣятелей
по борьбѣ съ алкоголизмомъ, т. II-й.**

(I т., бывшій приложеніемъ при „Трезвой Жизни“, можно выписывать изъ редакціи).

Цѣна журнала съ бесплатнымъ приложеніемъ и пересылкой въ годъ 3 руб.; за границу—5 руб.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Обводный кан., 116.

Редакторъ Прот. П. Миртовъ.

ФАБРИКАНТЪ ПАРЧИ

Александръ Васильевичъ

ГОЛОСОВЪ.

==== МОСКВА, ====

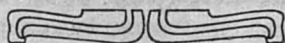
Никольская ул., д. Синодальн. вѣдомства.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПАРЧИ,

плащаницъ, хоругвей, воздуховъ,
готовыхъ облаченій на разн. цѣны
по самой недорогой расцѣнкѣ.

Имѣю честь увѣдомить, что въ истекшую Великую годину Священной Отечественной войны выпуска преись-куранта на 1915 годъ не послѣдовало, почему я и прошу моихъ уважаемыхъ покупателей пользоваться моимъ преись-курантомъ 1914 года, который по требованію высылается бесплатно. Возсылая молитвы Всевышнему съ твердымъ упованіемъ въ окончательную побѣду Нашего Христолюбиваго Воинства и съ горячей вѣрой въ Величіе и непоколебимую мощь Православной Россіи, я по прежнему продолжаю свое скромное дѣло и прилагаю всѣ старанія къ точному и аккуратному исполненію требованій моихъ уважаемыхъ заказчиковъ.

Отъ Общества распространія религіозно-нравств. просвѣщенія въ духѣ Православной церкви.

Воскресенье — день молитвы и благочестиваго настроенія. Служба церковная, дѣла любви, семейная бесѣда и доброе чтеніе должны-бы заполнять его.

Послѣднюю задачу — дать воскресное чтеніе народу и осуществлять издаваемый Обществомъ религіозно-нравственного просвѣщенія журналъ

„ВОСКРЕСНЫЙ БЛАГОВѢСТЪ“

Журналъ служить семьѣ и школѣ. Можетъ быть пособіемъ и для священника въ дѣлѣ проповѣди и народныхъ чтеній.

Въ Воскресномъ Благовѣстѣ, — въ краткихъ и интересныхъ статьяхъ, поученіяхъ, размышленіяхъ, житіяхъ и т. д., — выясняется смыслъ празднуемыхъ дней и событій, а также получаютъ надлежащее освѣщеніе различныя стороны современной жизни.

ЖУРНАЛЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ.

Кромѣ 52 номеровъ журнала, подписчики получаютъ въ 1915 г. въ качествѣ бесплатнаго приложенія книгу:

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ

въ словахъ и поученіяхъ Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго.

Цѣна журнала 3 руб. въ годъ, за границу 4 руб.

При Воскресномъ Благовѣстѣ издается официальный епархіальный органъ:

Извѣстія по Петроградской Епархіи.

Журналъ еженедѣльный отдѣльно отъ Воскреснаго Благовѣста не высылается.

Цѣна Воскреснаго Благовѣста съ извѣстіями — 6 руб. въ годъ, за границу 8 руб.

Адресъ Редакціи и Конторы: Петроградъ, Стремянная ул., д. № 20.

Редакторы { прот. *И. Слободской.*
 { прот. *Е. Кондратьевъ.*

И. А. ЖЕВЕРЖЕЕВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ, Гостиный Дворъ, Перинная линия, №№ 5 и 6.

ИЗГОТОВЛЕННЫ
ВЪ БОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ,

по предложенію Духовнаго Правленія при
Протопресвитерѣ Военнаго и Морского
Духовенства,

на случай экстренной надобности,

и немедленно высылаются

ВОЕННО-ПОХОДНЫЯ ЦЕРКВИ,

для военныхъ частей, отправляющихся въ походъ,

съ полнымъ комплектомъ церковно-богослужебныхъ предметовъ по
табели, утвержденной Военнымъ Совѣтомъ 26 Іюля 1912 г.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТРОГРАДЪ-ЖЕВЕРЖЕЕВУ.